

Фэн Тезий

ДНЕВНИКИ

ЭКЗОРЦИСТКИ

литсериал

1 серия

Дари хочет быть обычной девушкой, но способность видеть существ из призрачного мира не оставляет ей шанса на это. Домовые, демоны, инкубы и русалки в современном городе порой бывают опасны для людей. Дари поневоле приходится стать «экзорцисткой». Но талантом девушки хочет воспользоваться кто-то ещё. Тот, кто намного хуже всей нечисти, которая ей встречалась до этого.

1 серия. Злыдни. (эпизод 1)

Меня зовут Дария Денисова. Мне семнадцать лет, и я потомственная экзорцистка.

Если кто-то посторонний найдёт этот дневник и прочтёт, то, скорее всего, решит, что видит перед собой записки сумасшедшей. Хочу сразу заверить — я вполне адекватная. У меня и справочки есть. Правда, мой психоаналитик Данара часто повторяет, что в мире нет абсолютно психически здоровых людей — у каждого найдутся свои фобии и отклонения от общепринятых норм.

Но если вы добрались-таки до моих записей, то теперь в курсе, что по соседству с нашей реальностью существует ещё одна, где обитают некие невидимые для людей создания. Иногда они проникают в наш мир, питаются нашими чувствами, страхами и жизненной энергией. Так было всегда. Об этом сохранились мифы и легенды у всех народов, населяющих планету Земля. Все ведь знают кто такие призраки, духи, демоны и привидения, но почему-то считают их вымыслом. А теперь подумайте: с чего бы народностям разных стран, племён и континентов выдумывать схожие байки? Не потому ли, что всякая нечисть существовала на самом деле?

И я отвечаю: «Да, создания тьмы, действительно населяли раньше нашу планету». Вы, конечно, сразу зададите резонные вопросы: «Куда же они делись? Почему сейчас не встретишь ни привидение, ни домового?» Всё дело в том, что раньше призрачные создания могли легко проникать сюда из мира духов, но наши предки запечатали эти проходы. Оставшаяся на Земле нечисть постепенно вымирала, а люди стали терять способность видеть их. С каждым новым поколением таких «зрячих» становится всё меньше. Теперь даром «призрачного зрения» обладают лишь единицы. Наверное, это и к лучшему — жить и не ведать, что инородные сущности вмешиваются в нашу жизнь. Так спокойнее.

Мне не повезло. Я родилась с таким «зрением». С детства рассказывала родителям, что ко мне по ночам приходит «топотун», а у дяди Серёжи на плече сидит рогатый «чёртик». Папа с мамой очень не любили подобные откровения. Отец работает в очень серьёзной конторе. Там буквально вменяется в обязанность придерживаться моральных и семейных ценностей, изображать некую высокодуховную элитарность. Слышали, наверное, про все эти семейные корпоративы, пикники, совместные походы. Типа это укрепляет коллектив, командный дух, даёт возможность каждому сотруднику ощутить себя частью чего-то значимого и грандиозного. По сути, людей просто зомбируют, внушают чувство ложного превосходства и избранности. Всё это, разумеется, для того, чтобы работники пахали, как проклятые, но радовались, чувствуя себя привилегированными.

Меня родители не водили ни на детские утренники, ни на другие семейные мероприятия, прятали от родственников и знакомых. Даже с детским садом толку не вышло. Меня привели туда в три года, и я с порога заявила воспитательнице, что в голове у неё сидит осьминог и давит щупальцами на виски, причиняя постоянную боль. Женщина побледнела, плюхнулась на скамейку и схватилась руками за макушку. Едва заикаться не начала.

Она, действительно, испытывала частые приступы мигрени, и врачи не могли выявить причину. Ей бы следовало прислушаться к моим советам, но кто же поверит ребёнку. Легче списать всё на неумную детскую фантазию.

В сад меня больше не водили. Мама не работала, занималась домашним хозяйством и

моим воспитанием. Впрочем, всё воспитание сводилось к тому, что меня закрывали в комнате, включали телевизор и заваливали игрушками. Мать меня побаивалась. Она заглядывала в комнату, когда слышала моё бормотание, спрашивала, с кем я разговариваю. Я честно отвечала, что играю с Бабайкой и теньвыми гесеничками. Мама менялась в лице, захлопывала дверь и плакала.

Отец старался не ходить ко мне вовсе. Всем знакомым родители говорили, что их дочь постоянно болеет. В шесть лет меня отдали бабушке Кларе. Папа считал меня сумасшедшей, а мама, хоть и знала правду, не смела ему перечить.

А правда заключалась в том, что дар «призрачного видения» передаётся в маминой родне через поколение. Бабушка Клара тоже могла видеть существ из другого мира. Всю жизнь она старательно скрывала это, но моя мама-то была в курсе её способностей.

После того, как предки избавились от меня, они родили себе «правильного» ребёнка. Теперь у меня есть родной братик Святогорка, которого можно не стесняясь брать на корпоративы, водить на утренники и показывать чужим людям. Жаль, что мне запрещают с ним общаться...

Так уж вышло, что завести близких друзей мне не удалось. В школе меня считали странной, а тех, кто не вписывается в серую массу толпы, очень не любят. Дети порой бывают очень жестоки, особенно когда собираются в группы. В нашем учебном заведении

тоже существовала такая стайка отпетых беспредельщиков. При чём хулиганы были не обзлѣнными на весь мир подростками из неблагополучных семей, а отпрысками вполне уважаемых родителей, которые смотрели на проделки своих чад едва ли не с умилением и покрывали все их безобразия. Учителя тоже делали вид, что ничего страшного не происходит.

Я была худенькая, низкорослая, в классе меня предпочитали не замечать, нарочитой агрессии не выказывали. Пинки и тычки пару раз в день — это не в счёт. Не со зла, а мимоходом, просто детские шалости. А потом я ненароком ввязалась в конфликт с шайкой наших школьных «селебрити».

Бабушка Клара раньше очень боялась, что люди узнают о её способностях, и строго-настрого запрещала мне рассказывать о таких вещах. Я и молчала. Единственный раз только попала впросак, когда в третьем классе нам велели написать сочинение о домашних питомцах.

У нас с бабушкой в квартире не водилось ни кошек, ни собак, ни даже самого завалющего хомячка. Ну и я написала про Котеня. Подумала, что раз говорить нельзя, то писать-то можно. Всё честно изложила на бумаге: и про то, что Котень мой принадлежит к породе постельничьих; и про то, что греет мне простыни, делает одеяло лёгким, а подушку — мягкой; и про то, что он невидимый, но любит молоко.

Учительница зачитала моё сочинение перед всем классом. Одноклассников это очень развеселило. Когда все уgomонились, преподавательница сказала:

— Вот, видите, дети, у Даши дома нет животных, но она всё же написала историю про вымышленного зверька, а Карина нашла себе оправдание вовсе не делать домашнее задание.

— Котень никакой не вымышленный! — закричала я в гневе. — Он самый настоящий! Иногда он показывает свою тень, а ещё мурлычет, как холодильник!

Класс снова взорвался от детского смеха. Учительнице с трудом удалось призвать всех к тишине. С того дня меня и стали считать странной. Этому способствовали ещё и носимые мной на шею обереги, и плетёные фенечки на запястьях, и то, что иногда я замирала, прислушиваясь и приглядываясь к тому, что для других было недоступным.

Я больше не рассказывала о своём домашнем любимце посторонним. Только бабушка знала о нём. Она даже несколько раз успевала заметить тень этого проказника. Клара говорила, что Котень — это разновидность домового. Когда-то на Руси водились и банники, и овинники. О них много сказок есть. Эти существа, при хорошем к ним отношении, всегда людям по хозяйству помогали, много доброго делали. Постельничие тоже находились на особом счету и ценились порой даже больше. Казалось бы, что можно получить от ленивого невидимого духа, обитающего в простынях? Оказывается, очень многое можно.

Возможно, вы испытывали ту самую сладостную истому после тяжёлого рабочего дня, когда наконец-то оказывались в своей кровати? И сразу вам становилось так тепло и уютно, и, казалось, что во всём мире нет лучшего места, а тело в подтверждение всё словно стонало от блаженства. Если такое случалось, то вам повезло — это постельничий радовался вашему приходу, запускал свои чары, предлагал подружиться.

Чтобы отблагодарить доброго духа, вам достаточно оставлять под кроватью блюдечко с молоком или половинку печенья. Обязательно половину — словно вы даёте часть своей трапезы, делите её пополам. Если повезёт завести дружбу с постельничьим, то вы будете всегда высыпаться, видеть ночью только приятные сны, а утром вставать бодрым и полным сил. А если ещё перед сном поговорите с ним, поделитесь своими проблемами и

переживаниями, то не удивляйтесь, что, пробудившись, вдруг обнаружите в вашей голове гениальные мысли и идеи, которые помогут преодолеть жизненные неурядицы.

Жаль, что увидеть постельничьего нельзя. Даже я, обладая «призрачным зрением», ни разу не смогла разглядеть полностью Котеня. Наверное, Льюис Кэрролл, когда писал про Алису в стране Чудес, за прообраз Чеширского Кота взял именно своего постельного духа. Котень тоже появляется постепенно. Сначала я чувствую едва уловимое движение воздуха, потом лёгкое касание лапок поверх одеяла, затем давление немного усиливается, словно кто-то опускается на мои ноги. По телу тут же начинает разливаться приятное тепло, а сознание наполняется умиротворением.

Почему-то мне казалось, что постельничьи — это чисто домашние создания, и не могут выбраться за пределы жилья, но потом я выяснила, что это не так. Сама, конечно, не додумалась бы, как можно взять Котеня с собой на улицу, но он сам подсказал решение.

В тот день мне как раз «посчастливилось» столкнуться с бандой наших элитарных хулиганов. В десять лет я чувствовала себя вполне самостоятельным ребёнком. Бабушка Клара никогда не нянчилась со мной, относилась, как к взрослой. Она работала бухгалтером и возвращалась со службы уже вечером, и мне приходилось самой завтракать и собираться в школу по утрам.

Даже будильник не заводила — Котень будил меня всегда вовремя. Но делал он это ни звуком или пинком, а совершенно неощутимо. Я просто открывала глаза и ощущала, что пора вставать. Завтрак, сборы и дорога в школу у меня были рассчитаны до минуты. Всегда входила в класс за несколько мгновений до звонка. Но в тот день всё пошло наперекосяк.

Сама виновата — не посмотрела в окно, а потому и не знала, что на улице начался ливень. Пришлось возвращаться домой за зонтом, а потом ещё оббегать глубокие лужи, возникшие на дороге. В школьную раздевалку я влетела с первым звонком. В панике сорвала с себя шапку и куртку, пытаясь одновременно переобуться, а затем понеслась в класс.

Выскочив из раздевалки и на полном ходу преодолев поворот, я с разгона врезалась головой во что-то мягкое. Это «мягкое» издало несколько хрюкающих звуков и схватило меня за шиворот. Я была даже в какой-то степени благодарна, что меня придерживают, ведь от увиденного подкосились ноги. Передо мной стояла вся наша школьная грозная шайка в полном составе. Шестеро старшеклассников. Каждый из них выше меня на три головы.

Оказалось, что в одного из них я как раз и врезалась, а ещё и наступила на ногу. Лицо потерпевшего сделалось красным и перекошенным от злобы и боли, видимо, моя дурная голова угодила ему в солнечное сплетение.

— Извините, — пропищала я как можно жалостливее.

Парень пытался что-то ответить, но из-за удара не мог перевести дыхание, и только грозно сверкал глазами из-под длинной обесцвеченной чёлки и хватал ртом воздух. Зато его друзьям данная ситуация показалась очень забавной. Они, перебивая друг друга, высказывали много интересных предположений: и о том, что Жорик, похоже, слишком хлипкий раз ребёнок едва не сбил такого верзилу с ног; и о том, что реакция у него замедленная, как у тормоза; и о том, что новые белоснежные кроссовки теперь навсегда оставят на себе след надругательства. Речь их, конечно, была не такой корректной и изобиловала неприличной бранью, но общий смысл поняла даже я.

Жорику показалось самым обидным упоминание об осквернённой дорогой фирменной обуви. Он, наконец, смог справиться с дыханием и просипел прямо мне в лицо:

— За кроссы я тебе башку сейчас оторву, падла. Будешь вылизывать их, пока не станут,

как прежде.

Было ли мне страшно? Не то слово! Я решила, что жизнь моя закончится вот прямо сейчас. Но именно страх придал сил — терять-то уже было нечего. Говорят, что даже трусливая мышь может накинуться на кота, если сильно испугается. Я затрепыхалась, пытаюсь вырваться, и... похоже, заехала хулигану ногой в больное место. Пальцы Жорика разжались, я упала на пол, больно ударились коленками, но тут же вскочила и, увернувшись от протянутых ко мне рук, стрелой понеслась по коридору в сторону родного класса. Вслед слышался топот, проклятья и угрозы, но мне удалось добежать до учебного кабинета и скрыться за дверью.

Я боялась, что хулиганы вот-вот ворвутся туда, но они не рискнули. На переменах пришлось прятаться за шторой, делая вид, что разглядываю что-то важное в окно. Даже обедать не пошла. После уроков меня тоже никто не искал. Это вселяло крохотную надежду, хоть я и понимала, что рано или поздно снова встречу с этой бандой. И тогда уже сбежать не получится. Я подумала, что можно изменить внешность, уговорить бабушку отрезать мою косичку. Возможно, хулиганы тогда не узнают меня? Решив так и сделать, я немного успокоилась и пришла домой уже в приподнятом настроении.

Но моим планам не суждено было сбыться. Бабушка пришла с работы уставшая и довольно поздно. Она уговорила подождать один день, чтобы потом сводить меня в парикмахерскую, где волосы подстригут ровно и красиво. Я подумала, что один день смогу продержаться, не попадая на глаза врагам. Эх, зря надеялась.

(эпизод 3)

Вечером снова явился мой верный Котей. Я легла в кровать, укрылась одеялом, но никак не могла заснуть. Тревожные воспоминания о произошедших за день событиях не давали покоя. Я вертелась и чесалась, то закутывалась в одеяло, то сбрасывала его с себя. Когда раздражение уже достигло предела, воздух в комнате вдруг потеплел и зашевелился.

Словно лёгкий ветерок коснулся моей пятки, а потом возникло ощущение покоя и уюта. Под боком привычно завибрировало — это Котень всегда так мурлычет, когда радуется мне. После его мурчания я обычно проваливалась в глубокий сон, но сегодня призрак не собирался отпускать меня так быстро в царство Морфея. Его коготки скребли по одеялу — это ощущалось вполне реально.

— Ну чего ты хочешь? — тихо спросила я и повторила любимую бабушкину фразу. — Сегодня меня не просто выжали как лимон, но ещё и прокрутили через мясорубку.

Постельничий не успокоился, а только сильнее принялся царапать пододеяльник.

— Иди, молочка попей, — посоветовала я. — Там и печенька лежит твоя любимая.

Котень, разумеется, не ответил. Он нырнул под одеяло, просочился лёгким сквозняком и коснулся моей ободранной коленки.

«Поговорить хочет, — догадалась я. — Не успокоится, пока всё не разузнает, и мне спать не даст».

Пришлось вспоминать все подробности и рассказывать о злоключениях, что произошли сегодня. Котенька погладил по коленке, кажется, даже подул на неё, и моё сознание стало меркнуть. Я повалилась в спокойный крепкий сон.

Утром проснулась в прекрасном настроении, позавтракала, оделась в школу и выглянула в окно. Мелкий морозящий дождик совсем не повлиял на радостный настрой. Я схватила зонтик, рюкзак и... Почему-то рюкзак оказался не застёгнут. Странно. Точно помнила, как с вечера собрала учебники и тетради и застегнула застёжку. Впрочем, размышлять сейчас о таких мелочах у меня совершенно не было времени. Пришлось снова бежать, огибая лужи.

Я совсем забыла о вчерашней встрече с хулиганами, наверное, Котень каким-то образом притупил моё беспокойство вместе с воспоминаниями. Подбегая к углу школы, услышала звонок. «Опять опоздала! Это всё лужи виноваты!»

Я торопливо обогнула здание и... Шайка негодяев в полном составе стояла прямо за углом. Они переговаривались между собой и курили, совершенно не стесняясь того, что вход в школу был всего в нескольких метрах от них. Я резко затормозила. Шесть голов тут же повернулись в мою сторону.

— Жорик, смотри, это вчерашняя первоклашка, которая вчера тебя чуть не вырубил, — заржал один из парней.

Это было обидно. Пусть я в классе почти ниже всех, но видно же, что мне не семь лет. Впрочем, спорить сейчас совсем не хотелось. Единственный выход в данной ситуации — это бежать, и как можно быстрее.

— Не вздумай убежать, — тут же отозвался Жорик, отделяясь от группы своих дружков, — тебе же хуже будет. Я бить не буду, только в луже искупаю, а потом деньги принесёшь мне на новые кроссы.

Я покорно кивнула, но едва он сделал ещё шаг, рванула с места к кустам сирени. Вот

возле этих кустов, Жорик меня и поймал. Снова схватил за шиворот и встряхнул, словно пыльный коврик.

Зубы клацнули, во рту появился привкус крови. Похоже, я прикусила губу. Курточка жалобно затрещала по швам, рюкзак с учебниками упал на землю. Безжалостные и какие-то дикие глаза мучителя смотрели в упор, на лице расцвела мстительная ухмылка. Похоже, ему доставляет огромное удовольствие издеваться над теми, кто слабее. Мои ноги болтались над землёй. Негодяй, наученный горьким опытом, держал меня на вытянутой руке подальше от себя, чтобы не достала ногой. Боковым зрением я видела, как его дружки подходят ближе, окружая нас полукольцом.

— Жорик, закинь её вон в ту лужу, — посоветовал кто-то из них.

— Давай, научи её летать, — подхватил другой.

— Сейчас эта мразь тройное сальто сделает, — пообещал мой мучитель.

— Да, ты не докинешь, — подначил его новый голос.

— Отпустите меня, пожалуйста, — пропищала я едва слышно.

Парни дружно заржали. Жорик начал отводить руку в сторону, чтобы закинуть меня подальше. И вдруг все звуки смолкли, словно кто-то резко выключил их. На пару секунд воцарилась звенящая тишина, а затем раздался громкий щелчок. Все разом повернулись на звук. Я увидела лежащий на асфальте рюкзак. Он был открыт и шевелился.

В следующее мгновение из него, словно пуля, вылетело нечто полупрозрачное, похожее на кусок тумана. Жорик завизжал и разжал пальцы, которыми держал мой ворот. Рукав его светлой куртки оказался порван в клочья и окрасился бурыми пятнами. Почти сразу же раздался крик и другого хулигана, а вслед за ним и ещё несколько разноголосых воплей.

Я сидела на траве возле куста и видела, как старшеклассники в панике разбегаются в разные стороны. Кто-то из них прихрамывал и держался за ногу, у кого-то я заметила глубокие царапины на лице. Быстрее всех улепётывал мой обидчик Жорик.

Я не могла сразу сообразить, что произошло. Минут пять просидела под кустом, пока немного не пришла в себя, а потом с опаской подняла рюкзак и заглянула в него. Поверх тетрадей, пенала и учебников там лежала какая-то тряпка. Я осторожно потянула её на себя, достала. На голубой ткани увидела изображения облаков и звёздочек.

«Ой, это же наволочка с моей подушки!»

Котень каким-то образом смог засунуть этот предмет постельного белья в рюкзак, чтобы отправиться со мной в школу и защитить. Я расплакалась. У меня не было приятелей и подружек. Единственным другом и защитником стал мой призрачный питомец.

В тот день я прогуляла уроки, пошла в магазин и на все сэкономленные карманные деньги купила банку сгущённого молока — любимое лакомство Котеньки.

Наши школьные хулиганы мне больше не встречались. Может, избегали странную маленькую девочку с опасным рюкзаком, а может, перевелись в другую школу — не знаю. Я быстро забыла о них.

Где-то в глубине души меня тяготило осознание непохожести на других людей. «Призрачное зрение» казалось пороком, каким-то психическим уродством. Я хотела доказать всему миру, что Дария Денисова не изгой в этом обществе. И единственной возможностью для школьницы проявить себя в лучшем виде — это, конечно, показать свою успеваемость по школьным предметам. Знания мне давались легко, но этого было мало. Я запоем читала классиков мировой литературы, самостоятельно изучала психологию и философию. И это с десяти лет!

Детство проходило под шелест книжных страниц, а не в играх со сверстниками. Жалела ли я об этом? Тогда не жалела. По выходным бабушка водила меня по музеям и выставкам, а в будни по вечерам я читала Котеню. Если книга ему нравилась, он мурлыкал и гладил меня лапкой по коленке, если не нравилась — захлопывал книгу. Иногда я брала с собой в театр или в музей наволочку от подушки, чтобы мой друг тоже мог приобщаться к искусству. Знаю, что ему это нравилось. Но однажды мне пришлось отнести Котю на охоту. Никогда не забуду то страшное зрелище.

Ирина Рабенко появилась у нас в доме как-то внезапно...

Помню, был выходной. Мы с бабушкой собирались прогуляться в городской парк на открытие книжной ярмарки. Клара обещала купить мне одну книгу, если она не будет стоить слишком дорого. Затем мы хотели отправиться на пруд, покормить уток. Я решила взять с собой и Котеня. Утки ему наверняка понравятся.

По привычке я встала в семь утра, умылась, причесалась и решила позавтракать. Сначала гремела чем-то в холодильнике, пытаюсь найти йогурт, потом уронила ложку, хлопала дверцами кухонного шкафчика — короче, разбудила бабушку, которая намеревалась в свой выходной поспать подольше. Конечно, она стала ворчать. Мы чуть не поругались.

Мне к тому времени было уже двенадцать лет — энергия бурлила внутри, искала выхода, и слово «отдохнуть» казалось каким-то устаревшим. В результате Клара нашла применение моей неусидчивости — послала меня в булочную купить хлеба для нас и уток. Уже выбегая на улицу, я услышала, как кто-то позвонил ей на мобильный, а когда вернулась, застала дома Ирину Рабенко.

Женщина мне сразу не понравилась. Нет, она была вполне миловидная, с открытым простоватым лицом, мелированными волосами, собранными в неаккуратный пучок, но от неё исходило неприятное ощущение горя и обречённости. Пока я переобувалась в коридоре, заметила на вешалке тёмный плащ гостя. Так вот, от этого плаща исходил какой-то кисловато-горький запах неприятностей. Не могу точно описать его. Наверное, всё же это был не запах, а нечто другое, воспринимаемое на грани ощущений.

Я слышала, как Ирина о чём-то рассказывает бабушке. В её голосе читалась тревога, иногда туда примешивались всхлипы. Решив не лезть в разговоры взрослых, я ушла в свою комнату. Похоже, наша сегодняшняя прогулка на книжную ярмарку может не состояться. Мне стало обидно. Понимаю, конечно, что у человека возникли какие-то неприятности, но прийти к другим, почти незнакомым людям и портить им выходные...

Чтобы отвлечься, стала делать доклад, который задали по биологии. Через час он был готов, а эта Ирина всё ещё сидела с бабушкой на кухне. Очень интересно, о чём можно так долго разговаривать? Я прокралась на цыпочках по коридору до поворота на кухню и замерла за углом прислушиваясь.

— Ты хоть любишь их? — раздался голос бабушки. — Если судить по словам, то ты готова убить их от ненависти.

— Люблю, конечно, сильно, — всхлипнула Ирина, — и ненавижу тоже сильно... Не знаю я... Как на работу ухажу, так и думаю о них, беспокоюсь. Всё себя ругаю — что же я за мать-то такая! И жена из меня — непутёвая! Каждый божий день клянусь, что всё изменю, налажу нашу жизнь, склею по кусочкам заботой да вниманием. А как домой прихожу, руки опускаются, чувствую себя ненужной, униженной. Они, словно издеваются надо мной, всё назло делают, хотят с ума свести, ну я и закипаю, начинаю кричать, остановиться не могу.

Послышался шорох, какая-то возня. Ирина стала тонко подвывать, бабуля запричитала:

— Надо тебе священника позвать, квартиру освятить. Это всё проделки бесовские. Ты же сама чувствуешь, что дело тут нечисто.

— Да приглашала я батюшку! — раздражённо вскричала гостя. — Два года назад это было. Он тоже сказал, что квартира нехорошая. Освятил там всё, иконку на стену повесил, велел в церковь по воскресеньям ходить, молиться. А я работала тогда по выходным, когда

мне ходить-то? И иконка потом пропала куда-то. Но год целый мы нормально жили, даже Юленька учёбой увлеклась. Только потом всё опять повторяться стало, даже хуже. Тётя Клара, у меня теперь на вас одна надежда.

— Деточка, чем же я помочь-то могу? — удивлённо воскликнула бабушка. — Я же не священник и не семейный психолог. И с деньгами у нас пока плохо. Одна я внучку тяну, зарплата мизерная, с воды на хлеб едва...

— Нет, это всё не то, — жарко перебила Ирина. — Мне ваши способности нужны. Не знаю точно, что вы там делаете — колдуете или шаманите — мне всё равно. Я же помню. Мне восемь лет было, когда вы меня от свинки излечили. Это же ведь какое-то существо тогда ко мне присосалось, верно? Вы его изгнали.

— Это фантазии твои детские, — попыталась отшутиться Клара. — У тебя температура была повышенная под сорок, ты бредила. Лучше к психологу с мужем сходи, он поможет решить разногласия. Всё у вас наладится.

Снова послышался шорох и звук отодвигаемого стула.

— Нет, тётя Клара, психолог мне не помог, — каким-то слишком спокойным и звенящим голосом произнесла гостья. — Я всё перепробовала, видит Бог. Никто мне помочь не может... и не хочет. И вы. Даже в память о дружбе с моей матерью. Пойду я, пожалуй, чтобы вас больше не напрягать. Сама решу свои беды. Все проблемы одним махом! Нет тела, нет и дела.

— Ирочка, ты что это задумала?! — встревожилась бабушка. — Сядь, я тебе говорю, дура! На кого ты ребёнка оставить собралась? На бабника этого? Кому от твоей смерти лучше-то будет? Я тебе пока в помощи не отказывала, только дело тут непростое. Думать надо серьёзно. Есть у меня соображения на твой счёт да только все, кому помогала, потом меня же и проклинали. Дурость людскую пока никто не отменял. Боюсь, что одна не справлюсь с твоими бесами. Милка могла бы помочь, но мы с ней сейчас в контрах. А кто ещё? Внучка у меня мала ещё...

— Это Леночки вашей дочка? — удивлённо спросила Ирина.

— А кого же ещё?! — разгневалась бабушка. — Не думала я, что дочь такой бессердечной воспитаю! Подбросила мне Дашку, как котёнка ненужного. Во всём мужу потакает. Тьфу. Променила ребёнка на жизнь обеспеченную. А девочка-то умная и дар у неё сильный.

— Я не знаю, конечно, что вы задумали делать — может ритуалы какие-то колдовские проводить, но... Может не стоит ребёнка вовлекать в такое?

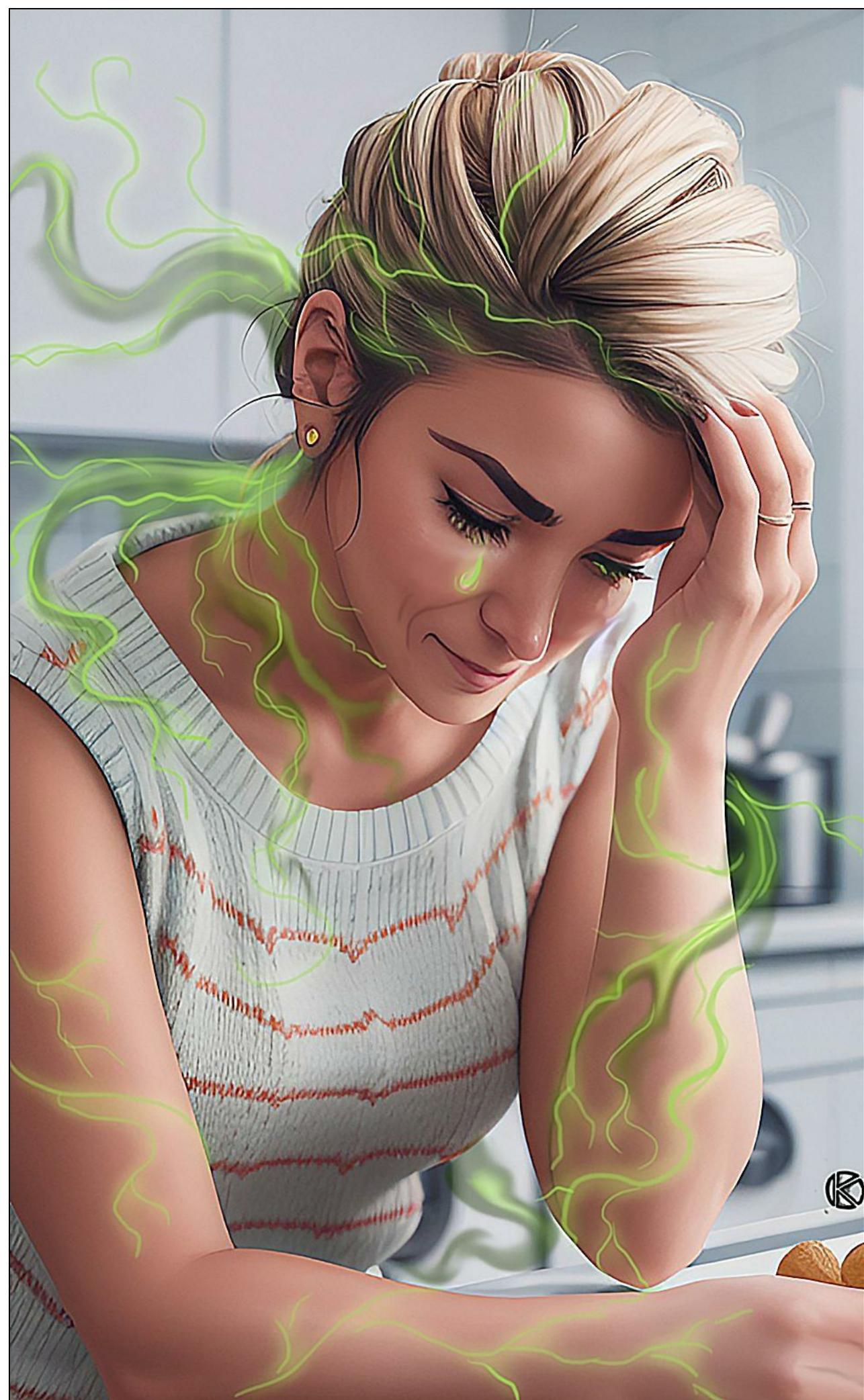
— Рано или поздно она всё равно в это ввяжется, так пусть уж лучше под присмотром бабушки будет, — вздохнула Клара. — Тем более. Что половину нашего разговора она уже слышала. Иди к нам, Даша, можешь там не прятаться!

Пришлось выйти. Чувствовала я себя, конечно, очень неловко, но постаралась сохранить достоинство:

— Вы говорили слишком громко. И я же просила не называть меня Дашей. Моё имя Дария, значит, сокращённо будет — Дари'.

— Ага. А я тогда — Клеопатра Петровна, — озвучила свою глупую шутку бабуля. — Ты лучше вот сюда садись и тётю Иру послушай. Приглядишься к ней, может что-то необычное заметишь. Тётя Ирина раньше с твоей мамой училась вместе.

Я давно уже заметила и неприятный запах беды, исходящий от гостьи, и зеленоватый налёт, но решила сначала выслушать её рассказ.

Женщина с сомнением посмотрела на меня покрасневшими от слёз глазами, потом обречённо махнула рукой и принялась вводить в курс дела.

Много лет назад Ирина, действительно, училась в одном классе с моей мамой. Они были подружками, жили в соседних домах и часто бегали друг другу в гости. Бабушка Клара тоже находилась в приятельских отношениях с Ириной матерью. Но школьные годы закончились, девочки поступили в разные институты, а потом вышли замуж.

Муж Ирине достался хороший: любящий, работающий и заботливый. И пусть трудился Павел всего лишь в автомастерской, но умельцем был отличным и от отсутствия клиентов никогда не страдал. Скоро у молодожёнов родилась дочка Юленька. Единственное, что омрачало семейное счастье — это отсутствие жилплощади. Накопить на собственную у супругов не получалось, брать кредит в банке или ввязываться в ипотеку было боязно. Приходилось платить за съёмное жильё.

Первая квартира, которую семья Рабенко взяла внаём, прослужила им верой и правдой почти пятнадцать лет. Платить, правда, приходилось недёшево, но район был хороший: и школа для дочки рядом, и от Ириной работы недалеко. К сожалению, ничто не вечно. Владелец жилья скончался, а наследники решили продать квадратные метры. Рабенко приуныли — уж слишком привыкли они к насиженному месту, поиск нового «семейного гнездышка» и переезд казались катастрофой. Пришлось обратиться в агентство, и — о чудо! — им сразу предложили прекрасный вариант. Трёхкомнатная квартира в том же районе по цене однокомнатной! Хозяйкой жилища оказалась милая старушка, которая, похоже, плохо разбиралась в расценках.

Сначала Ирина не могла нарадоваться — на новом месте ей всё нравилось: и комнаты просторные, и подъезд чистый, и соседи тихие. Что ещё для счастья нужно? Но постепенно женщина стала чувствовать себя здесь неуютно.

Во-первых, ей всё время казалось, что в квартире то слишком душно и жарко, то слишком холодно и влажно. Ночью Ирина долго не могла уснуть, тело начинало зудеть и чесаться, в голову лезли какие-то бессвязные мрачные мысли, кожа покрывалась потом. Но, когда под утро наконец-то приходил сон, то он не приносил облегчения, а наоборот — только тревожность и усталость. Во-вторых, женщина стала часто болеть. Насморк, кашель, отиты, головная боль, нервные срывы посещали несчастную и по отдельности, и скопом. В-третьих, она вдруг превратилась в плохую хозяйку. Как начнёт готовить, так обязательно еда либо подгорит, либо недоговорится, либо получится пересолёной. Пыль появлялась снова почти сразу после уборки, а отстиранные вручную воротники на рубашках мужа после высыхания приобретали прежнюю загрязнённость.

Похоже, что у остальных членов семьи Рабенко были похожие проблемы. Постоянные неудачи, усталость и раздражение находили выход в постоянных скандалах. Ирина срывалась на мужа и дочь, и те, разумеется, отвечали ей тем же. Хозяйка стала чаще задерживаться на работе, лишь бы поменьше бывать дома. Юленька забросила учёбу и допоздна проводила время в какой-то сомнительной компании. Павел начал скрывать заработки, от него иногда пахло чужими женскими духами и алкоголем.

Ирина понимала, что её семья рушится, но не могла найти в себе силы остановить это, а порой и не хотела. Ей начинало казаться, что муж и дочь нарочно доводят её, провоцируют

на скандалы, корчат противные рожи. Между ними словно появилась некая линза, которая выпячивала всё самое неприглядное и отталкивающее.

После очередной крупной ссоры, когда Павел в ответ на брань накинулся на жену с кулаками, она убежала к матери, где и провела три дня. Вдали от злополучной квартиры Ирина чувствовала себя намного лучше. Даже в голове прояснилось.

«Что же случилось с нами? — думала она. — Ведь хорошая же семья была, все друг друга любили и уважали, а теперь словно с ума сошли. Каждая мелочь приводит нас в ярость! Чтобы не сказала Юля, я воспринимаю как дерзость, а голос Паши кажется грубым и пренебрежительным. И ведь они тоже страдают, я же вижу!»

— Это вас нечисть одолевает! — словно подслушав мысли дочери, заявила Зинаида Игнатьевна. — Вы же в церковь не ходите. Я вот тоже раньше глупой была, не понимала, как это важно, а батюшка Михаил мне объяснил. Мы теперь с соседкой на все церковные праздники в храм ходим. У меня душа очистилась, теперь меньше переживаю, даже когда пенсию задерживают. Давай, попрошу, чтобы батюшка вашу квартиру освятил?

Ирина сначала отмахивалась, но Зинаида знала, как повлиять на дочь, и к концу третьего дня убедила. Осветили квартиру утром, пока Юлечка была в школе, а Павел на работе. Отец Михаил постоянно вздыхал и говорил, что квартира нехорошая, что ему тут душно.

Вечером Павел вернулся домой с цветами, а дочка похвасталась, что получила четвёрку за сложную контрольную работу. Ирина вздохнула с облегчением. Её уже не мучили ни головные боли, ни приступы злости. Похоже, батюшкины молитвы, действительно, помогли.

Но идиллия продолжалась недолго. Через полгода всё начало возвращаться в наезженную колею. Стало ещё хуже, чем раньше.

— Юля курит! И это в четырнадцать лет! — Ирина нервно заламывала руки и уже не обращала внимания на слёзы, стекающие по щекам. — Красится, как... неприличная женщина! И спиртным от неё иногда пахнет! Я её ругаю, а эта мерзавка открывает окно и грозит выпрыгнуть с девятого этажа, если не отстану! Не знаю, как с этой малолетней мразью разговаривать. Всё время злит меня нарочно, обманывает, стала деньги воровать. А Паша за неё заступает, говорит, что я шизофреничка. Кобель! Знаю, что любовницу завёл и даже не отрицает. Надоело мне всё это, жить не хочу! Ещё и мать считает меня теперь ненормальной, одержимой демонами. Вчера сказала, что если от церкви меня воротит, то нужно сходить к тёте Кларе. А я уже не знаю, кого о помощи просить, если вы откажете. Сил у меня больше нет бороться.

Ирина замолчала и уставилась на нас потухшим взглядом.

— Дашенька, — ласково обратилась ко мне бабушка, — ты заметила что-то странное у нашей гостьи?

Я понимала, что она имеет в виду. Хоть Клара и запрещала при чужих людях упоминать про существ из призрачного мира, но сама охотно рассказывала мне о них. В детстве вместо сказок бабуля потчевала меня историями о том, как в Древней Руси христианство вытесняло язычество, а вместе с ним и домовых, русалок, призраков и леших. Чтобы нечисть не проникала в наш мир, порталы опечатывали. Но до сих пор эти создания иногда находят где-то лазейки, чтобы пробраться к людям. Вот хоть та же болезнь под названием «свинка», которую упоминала Ирина — это не что иное, как маленький призрачный паразит. Многие думают, такое смешное название паротит получил от того, что у человека опухают слюнные железы и лицо становится одутловатым. Вовсе нет. Те, кто видит это существо, подтвердит

— он чем-то напоминает слизня с мордочкой поросёнка.

— Бабушка, а ты сама не заметила зелёную слизь на тёте Ире? — спросила я. — На одежде следы и на волосах. На коже тоже зелёные пятна проступают.

— У меня уже зрение не то, — прищурилась Клара. — Думала, может, ошибаюсь. Не если уж даже и на коже проявляться стало... значит, давно они этими токсичными выделениями дышат.

— О чём вы говорите? — запаниковала Ирина.

Она трогала себя за волосы, разглядывала руки, но, разумеется, ничего не могла увидеть.

— Ты ж всё равно не поверишь, — отмахнулась Клара.

— Я уже даже в инопланетян готова поверить, лишь бы семью спасти, — затряслась гостья. — Скажите, что происходит! Можно от этого избавиться?

— Да ты и сама догадываешься в чём дело, — не стала томить бабушка. — Ты уже не раз повторяла, что всё дело в съёмной квартире. Самый простой выход — это найти новое жильё и переехать.

Ирина вытаращила глаза и вжалась в спинку стула.

— Это проклятье, да? Кто-то позавидовал нашему семейному счастью? Я так и знала! Отец Михаил освятил квартиру, вот порча и ослабела, но до конца он её, видать, не одолел. А можно избавиться от неё как-то? Паша ни за что не захочет переезжать. Я несколько раз пыталась поговорить с ним об этом, но он беситься начинает.

— Похоже, что злыдни его к квартире привязали и не отпускают, — вздохнула бабушка.

— Злыдни? — гостья с недоумением посмотрела на неё. — Я про злыдней только в детских сказках слышала. Это же такие злобные человечки, живущие за печкой и творящие всякие мелкие гадости?

— Вроде того, — уклончиво ответила Клара. — Только твои злыдни подкинули тебе гадости покрупнее.

— Если они такие сильные, значит уже давно там живут, — влезла я в разговор. — Наверное, расплодились. Их там много должно быть. И квартиру своей слизью, скорее всего, пропитали всю. Надо гнездо злыдней найти.

Бабушка встала, сложила руки на груди и покачала головой.

— Ну, найдём мы гнездо, разорим, так они, мерзавцы, по всему дому разбегутся, в соседних квартирах поселятся. Представляешь, что тогда начнётся?

— Боже, да что же это за твари-то такие?! — ужаснулась Ирина. — Откуда они только берутся? Почему я их не видела никогда?

— А ты их и не увидишь, — ответила Клара. — Для этого нужно особым зрением обладать. Раньше в каждой деревне ведунья была, а то и не одна. Их и называли так потому, что ведали они про потусторонний мир. А злыдни... Ты же про домовых слышала? Они добрые обычно, по дому помогают, очень к главе семейства привыкают, стараются подстроиться под него. А если хозяин злой и буйный, то и домовый постепенно становится злыднем. Судя по всему, прежний хозяин твоей квартиры был ещё тем самодуром. Нужно к тебе идти, жильё посмотреть, а на месте уже определимся, что делать...

продолжение следует

Дом, в котором жила семья Рабенко находился в пятнадцати минутах ходьбы. Бабушка основательно подготовилась к нашей миссии: взяла банку со святой водой, икону Божией Матери и пачку крупной соли. Я не знаю точно, какой вред соль или освящённая в церкви вода может нанести существам из потустороннего мира. Да и вряд ли кто-то знает. Никто ведь не изучал домовых и леших.

Бабуля предполагает, что нечисть — это энергетические сущности. А раз они представляют собой энергию, то, значит, на неё можно воздействовать другой энергией. Ну и вроде как, иконы и святая вода заряжены в церкви. Чем они там заряжены, Клара толком объяснить не могла. Возможно, верой в высшие силы, которая является тоже подобием энергии. И если ещё это с большой натяжкой можно принять за объяснение, то при чём тут соль? Наверное, она способна гасить инородные силовые поля или что там испускают «иномирцы».

Всю дорогу до места назначения бабушка меня поучала, чтобы я была осторожна и не лезла вперёд. Она явно нервничала из-за того, что мне пришлось идти с ней, ведь злыдни существа коварные, могут нанести вред человеку. Только я вот почему-то не очень боялась, скорее испытывала любопытство, хоть, конечно, и понимала, что увиденное может не понравиться.

Дом и в самом деле располагался в хорошем месте: в достаточном отдалении от шоссе, чтобы не слушать шум машин и не дышать выхлопными газами; и в непосредственной близости от парка, в который мы сегодня собирались пойти.

«Эх, может успеем ещё на книжную ярмарку. Хорошо бы побыстрее управиться со злыднями».

Когда мы уже подходили к подъезду, Ирину окликнула высокая, полная женщина в льняном сарафане, ярко-жёлтых бусах и соломенной шляпке. Незнакомка вышла из-за кустов, огораживающих детскую площадку. Она двигалась уверенно и чинно, словно королева, а следом за ней семенил невзрачный худой мужичок в вылинявшей рубашке и растянутых на коленях синих брючках.

— Ирина, как вовремя я вас поймала! — зычным голосом оповестила знакомка, надвигаясь на нас. — Мы собираем денежные средства на ремонт детского устройства для развлечений, именуемое качелями.

— По двести рублей с каждой квартиры! — подтвердил мужичок, вынырнувший из-за спины своей покровительницы. Он указал на лист бумаги, который держал в руке, и снова спрятался за надёжное укрытие.

— Знаете что, Тамара Егоровна, — раздражённо отозвалась Ирина, — я, конечно, очень болею душой за детскую площадку, и тем более за устройство для развлечений, но мы не пользуемся ни тем ни другим. Юленьке уже четырнадцать лет, и она...

— Вот именно она, возможно, и причастна к поломке детского развлекательного инвентаря! — легко перебила её Тамара. — Позавчера ваша Юленька в компании трёх подростков, предположительно мужского пола, и одного подростка, предположительно женского рода, до глубокой ночи находилась на площадке, отведённой для выгула детей. Здесь они громко слушали музыку непристойного содержания, сквернословили нецензурной

бранью и распивали напитки из жестяной тары, имеющей вид слабоалкогольной продукции. После них, с утра устройство для сидения и качания оказалось поломанным.

— Вы и жестяные банки разглядели, и слова в песнях расслышали? — удивлённо вскинула бровь Ирина. — Неужели вы до глубокой ночи в песочнице прятались и следили за подростками?

Тамара Егоровна придвинулась к собеседнице ещё ближе, и взирая на неё свысока, покровительственно произнесла:

— Понимаю, что вы так грубо иронизируете потому, что хотите защитить дочь, но порча детского развлекательного инвентаря — свершившийся факт. И факты эти выявляют свидетельство причастности Юлии к данному инциденту. Я в качестве избранного на правлении управдома имею ширину полномочий и рычаги воздействия для того, чтобы инициировать расследование по факту вандализма на отдельно взятой детской площадке, что может причинить вашей семье некомфортные последствия. Но зачем же доводить дело до конфликтования, многочисленных объяснений с правоохранительными органами, постановкой вашего ребёнка на учёт в полиции и выплатой вами через суд полной стоимости спортивно-оздоровительного детского тренажёра, именуемого «качели»? Я предлагаю ограничиться небольшим денежным вкладом в двести рублей на ремонт и вашим воспитательным наставлением дочке. Это сохранит наши добрые отношения и сэкономит время. Я искренне не люблю создавать конфликтные ситуации.

Ирина растерянно заморгала, пытаясь переварить замысловатую речь управдома, затем молча достала из дамской сумочки кошелёк и, отсчитав нужную сумму, протянула деньги Тамаре. Тут же появился суетливый мужичок и подсунул Ирине лист бумаги и ручку, чтобы она расписалась в каком-то списке.

Наконец, Тамара Егоровна, плотоядно улыбаясь, вальяжно отчалила снова на детскую площадку, а бабушка с тётёй Ирой пошли к подъезду. Я вынуждена была задержаться на несколько секунд, чтобы запихать развязавшийся шнурок в кроссовку, и услышала из-за кустов голоса:

— Тамарочка, вы слишком добрая. Нужно было заставить эту Рабенко оплатить ремонт качелей полностью.

— Согласна, Евгений Иннокентьевич, стоило бы заставить, но мне её по-человечески жаль. Вы же знаете, в какой несчастливой квартире она живёт. Баба Таня никак не могла сдать жилплощадь в последние годы. Как только люди приходили жильё смотреть, так Рита Матюхина, что у подъезда вечно дежурила, им начинала ужасы рассказывать про прежних квартирантов: и про висельника Володьку, и про Никольского, который с ума сошёл. Конечно, люди убегали, никто в проклятом месте жить не хотел. Хорошо, что Матюхина потом к сыну жить уехала, некому стало сплетни распускать, и баба Таня сразу квартирку-то этим Рабенко сдала. И вот теперь у них там...

— Даша! Иди скорее! Мы же тебя ждём! — послышался крик бабушки от подъезда.

Пришлось идти. Ирина придержала дверь, и мы вошли в подъезд. Здесь оказалось очень чисто и светло, гораздо лучше, чем в нашем доме. Втроём мы поднялись на лифте на девятый этаж. Ирина достала из сумочки ключ от квартиры.

— Ох, что-то на сердце у меня беспокойно, — остановила её Клара. — Давайте, я вас святой водой сбрызну. Ты, Ириш, носишь на себе крестик нательный?

— Давно не ношу, — призналась хозяйка. — У меня цепочка порвалась, теперь он в шкатулке лежит.

Клара открыла банку со святой водой, окропила нас, перекрестила и, вздохнув, сказала:

— Всё, давайте уже войдём в это логово, посмотрим, что там. Дашка, ты за мной держись, вперёд не лезь.

Ирина отперла дверь и первой перешагнула порог. Её туфелька ступила на пёстрый коврик, лежащий у двери. Коврик заскользил по полу, нога поехала вслед за ним. Женщина вскрикнула, покачнулась и стала падать лицом вперёд. Мне показалось, что из глубины квартиры раздался издевательский смех...

— Держись! — бабушка успела подхватить Ирину под локоть. — Вот же пакостники какие! Ну ничего, пусть порезвятся напоследок.

Они перешли в коридор, и Клара подала руку, чтобы мне было удобнее переступить через злополучный коврик.

Я огляделась. Прихожая оказалась довольно просторной и вмещала шкаф-купе, небольшой диванчик и трюмо. Всё в светлых тонах, даже обои с выпуклым абстрактным рисунком. Жаль, что это оказалось заляпано полупрозрачной зеленоватой слизью. Такая же киселеобразная субстанция виднелась и на полу. Понятно теперь, почему коврик на резиновой основе вдруг начал скользить.

— Бабуль, ты видишь? — я указала в один из углов, где в виде бурой кляксы разросся призрачный мох.

Он слабо шевелился, пытаясь ползти по плитусу.

— Это — тлен, — покачала головой Клара. — Помнишь, я тебе о нём рассказывала? Дело — плохо.

Если в квартире появился тлен, то, значит, зло тут поселилось давно, и вывести его будет не так просто. Молитвами не отделаешься.

Мы стали осторожно продвигаться к комнате. Я чувствовала, что дышать становится тяжелее. Странное ощущение: вроде вдыхаешь полной грудью, воздух поступает через дыхательные пути, но насыщает лёгкие не чистым кислородом, а некой токсичной смесью без запаха, похожей своим воздействием на угарный газ. У меня слегка закружилась голова, на лбу выступили капельки пота. Всё это действие призрачного мха, который вырабатывает некий вид токсинов.

Бабушка первой вошла в комнату, охнула и перекрестилась.

— Что там? — Ирина остановилась у порога и виновато развела руками: — Я сегодня и пылесосила, и влажную уборку делала везде, но, мне кажется, что ещё грязнее в комнате стало.

Я выглянула из-за её спины и оглядела просторную гостиную, погружённую в мутное зеленоватое марево. Солнечный свет с улицы словно не желал проникать в это помещение. И дело тут было не в грязных стёклах широкого окна и не в плотности полупрозрачных штор. Сам воздух казался густым и мутным, похожим на воду в застоявшемся болоте.

Ну и, конечно, слизь. Её тут было много: на мебели, на полу и даже на потолке.

Затем я разглядела и самих злыдней. Бабушка говорила, что даже те, кто обладает «призрачным зрением», не в силах постичь настоящий облик нежити — слишком инородные это существа. Мы можем разглядеть только их энергетическую сущность, а наш мозг пытается придать ей привычную для понимания форму. Наверное поэтому, я и увидела злыдней именно такими, как описывала их Клара.

Первым на глаза мне попался вожак этой стаи. Папа-злыдень походил чем-то на злую обезьяну, и размером был со среднюю собаку. Он имел всклокоченную зеленоватую шерсть, маленькие красные глазки и пасть, усеянную острыми игольчатыми зубами. Передние лапы у него оказались длинные, тонкие и заканчивались пальцами с внушительными когтями. Выражение морды у главы призрачного семейства было враждебным и подозрительным.

Он неспешно спустился с кресла и занял оборонительную позицию в центре комнаты.

Тут же возле папы-злыдня, прямо из воздуха появилась крупная самка. Мама-злыдень вела себя чрезвычайно суетливо: размахивала лапами, тряслась и что-то бормотала, брызгая слюной. Она то и дело исчезала, внезапно появляясь в другой части помещения, чтобы вытащить из-за кресла или из-под стола расшалившегося малыша, слегка душила его за шею, прижимала к себе, а затем бросала на пол и возвращалась к лохматому мужу.

Не знаю, зачем она душила своих деток. Может выражала так материнскую любовь или пыталась столь странным образом уговорить сорванцов. Маленькие злыдни после таких «обнимашек» какое-то время тихо лежали на полу, конвульсивно дёргая лапками, потом, пошатываясь, поднимались и ползли прятаться за мебелью. Но потом, видимо, очухавшись, снова принимались носиться по полу, стенам и по занавескам.

Хорошо ещё, что «призрачный слух» у меня не так сильно развит. Я различала только тихое потрескивание и скрежет. Вот бабушка нежить хорошо слышит. Для неё тут, скорее всего, настоящий звуковой ад.

— Ну что же, давайте начнём проведение обряда экзорцизма! — закричала Клара и поставила на стол свою бездонную дамскую сумку. — Пока попробуем святую воду, соль и молитвы, а дальше видно будет! Дашка, ты сюда не ходи!

— Бабушка, не кричи! Я тебя и так прекрасно слышу! — отозвалась я.

— Прости, милая, — бросила через плечо Клара, выкладывая на стол необходимые принадлежности, — эти негодяи так верещат — оглохнуть можно! Ты следи за ними. Злыдни должны гнездо своё охранять! Если найдём их подпитку и нейтрализуем, то справиться будет легче.

Легко сказать, «Следи». Они же всё время перемещаются в пространстве, а некоторые ещё и прячутся. Я их никак не могла сосчитать. Детки-злыдни размером с котёнка, невероятно прыткие, да ещё и полупрозрачные. Разве уследишь?

— А что это за гнездо такое? — тронула меня за плечо Ирина.

— Ну это только название такое — «гнездо» или «рассадник зла». А на самом деле это может оказаться какой-то вещью или местом в квартире, где чаще всего были страдания. Злыдни же питаются негативной энергией людей и специально подстраивают всякие гадости, провоцируют скандалы. Но раньше-то эти призрачные существа были добрыми домовыми. Хозяева сами сделали их такими, питали злом. Кто-то раньше жил в этой квартире и совершал нечто нехорошее. Может ребёнка тут часто наказывали, в угол ставили, и он рыдал всё время. Вот такой угол и будет этим «гнездом страданий». Злыдни из него энергию черпают.

— А-а-а, понятно, — Ирина смотрела на меня как-то странно, словно я рассказывала ей, что среди нас живут инопланетяне.

— Куда?! Стой! — вдруг закричала бабушка.

Я увидела, как скатерть, на которую Клара выложила принадлежности для ритуала экзорцизма, стремительно сползает со стола. Но вместо того, чтобы быстрее схватить банку со святой водой или молитвенник, бабуля зачем-то вцепилась в свою сумку. Вещи стали падать на пол. Я рванулась вперёд, но Ирина схватила меня за плечи и прижала к себе.

Бабушка наклонилась, чтобы поднять банку, но из-под скатерти, уже лежащей на полу, выскочил пучеглазый маленький злыдень и пнул стеклянный сосуд лапкой. Посудина покатила к окну, а другой бесёнок уже тащил в сторону пачку с солью.

Клара заметалась, не зная, что в первую очередь нужно спасать. Зато нежить не растерялась. Демоны действовали слаженно, как натренированная команда. Папаша-злыдень

в два прыжка доскачал до окна, отдёргнул штору и взобрался на подоконник. Послышался щелчок, створка пластикового окна распахнулась, и два чумазных злыднёнка, поднатужившись, бросили в образовавшийся проём упаковку соли. Пачка пролетела буквально в сантиметре от головы папаши. Хотя, думаю, пачка не нанесла бы ему никакого вреда, ведь эти существа по своей природе условно-бесплотные.

Бабушка в это время пыталась догнать катившуюся банку. Бесёнок, что толкал её, был совсем маленький, и получалось у него не слишком хорошо. Клара уже догнала его, протянула руку, но тут прямо из ничего возникла мамаша-злыдень и так наподдала лапой по стеклянной таре, что послышался смачный шлепок. По всем законам физики, после падения на пол и резкого удара когтистой лапой, банка должна была превратиться в осколки, но она как-то «пережила» все смертельные опасности, чтобы наконец-то отправиться в полёт с девятого этажа.

— Бабушка! Окно! Закрой скорее окно! Там под столом ещё остались молитвенник и икона! — закричала я, пытаюсь вырваться из рук Ирины.

Клара услышала меня и кинулась к створке окна. Папаша-демон пытался помешать, но как он не тужился, бабуля постепенно одерживала победу. Пока они мерились силами, ещё один злыднёнок завладел книжкой и потащил её, передвигаясь прямо по стене.

Ирина взвизгнула и наконец-то освободила хватку. Я вырвалась из её рук и побежала к столу, чтобы забрать икону. Возле неё уже крутились бесенята. Они пробовали дотронуться до иконы, но обжигали лапки.

Я упала на колени и полезла на четвереньках под стол. Прямо перед моим лицом неожиданно возникла озлобленная морда мамаша-злыдня. До иконы было рукой подать. Где-то в глубине сознания возникла мысль, что я легко могу просунуть ладонь через, корчащую мне гадкие рожи, полупрозрачную сущность, даже не почувствовав её. Но мне стало очень страшно. Я отпрянула назад, а нечисть схватила икону.

Её шерсть на лапах тут же задымилась, а на коже выступили волдыри, как от ожогов. И, даже я, не обладающая чутким «призрачным слухом», тут же услышала, как заскулила мамаша-злыдень. Однако, она не выпустила добычу из лап, исчезла вместе с ней, чтобы через мгновение появиться уже на подоконнике.

Бабушка всё ещё пыталась захлопнуть окно, и у неё почти получилось. Осталась совсем небольшая щель — всего-то с три пальца шириной, но этого хватило, чтобы злыдни пропихнули туда и икону, и тонкий молитвенник.

Я подбежала к окну, когда створка уже захлопнулась, а злыдни разбежались.

— Ничего, проигран бой, но не проиграна война! — тяжело дыша, заявила Клара.

— Боже мой, как же страшно! — Ирина тоже присоединилась к нам. Глаза её были выпучены, руки прижаты к груди. — Книга по стене передвигается, банка летает! Я чуть с ума не сошла!

— Ты почему в комнату забежала?! — не обращая на хозяйку внимания, принялась отчитывать меня бабушка. — я же велела не лезть сюда!

— Просто помочь хотела, — попыталась оправдаться я, когда внезапно почувствовала за спиной жар.

— Поздно... — тихо простонала Клара, глядя куда-то за моё плечо.

Я резко обернулась и тут же отшатнулась, едва не сбив её с ног. Комната оказалась охвачена огнём. Языки пламени плясали на полу, быстро перекидываясь на мебель и стены. Становилось невыносимо жарко. Меня затрясло от ужаса. Я понимала, что в этой ситуации

деваться нам совершенно некуда. И спасти нас уже никто не успеет.

Бабуля распахнула окно и выглянула наружу.

— Бордюр слишком узкий — мы не сможем удержаться на нём. — дрожащим голосом сообщила она.

Огонь трещал, пожирая всё на своём пути, подбираясь всё ближе. Языки пламени дотянулись до занавески и до бабушкиной юбки. Подол вспыхнул, словно был пропитан бензином...

(эпизод 8)

— Мы сгорим, — прошептала я дрожащими губами, едва сдерживаясь, чтобы не впасть в истерику.

Клара хлопала ладонями по юбке, сбивая огонь, а Ирина с недоумением оглядывалась по сторонам.

— Почему сгорим? — спросила она, поворачиваясь к нам.

— Огонь! Везде! — я всё же не выдержала и зарыдала.

— Что ты, детка, — женщина мягко притянула меня к себе и погладила по голове, — не бойся, никакого огня тут нет.

Я распахнула заплаканные глаза, взглянула на неё, а потом на комнату. Огонь всё ещё бушевал в помещении, но теперь мне стало ясно, что он ненастоящий, а всего лишь видимость.

— Вот же сволочи, — ругалась рядом Клара. — Напустили морок, а я, дура, чуть в окно не выскочила! Ну всё, разозлили меня окончательно! Теперь им пощады не будет. Давайте, девки, отступаем за новыми боеприпасами!

Она первая смело шагнула в пламя. Мы с Ириной последовали за ней под ехидный смех злыдней.

— Что же теперь делать? — с надеждой спросила Ира. — Я видела, как ваши вещи вылетели в окно.

— Надеюсь, что икону и молитвенник мы отыщем, а святая вода и соль у меня дома есть, — оптимистично заявила бабушка. — Эх, жаль, что гнездо злыдней мы так и не нашли. Даша, ты не заметила, чтобы они возле какого-то места крутились? Ты чего плачешь? Испугалась? А я говорила тебе не лезть в комнату!

Я только головой мотала, ответить не могла. В душе было столько отрицательных эмоций: и пережитый страх, и злость на вредных демонов, и стыд оттого, что не распознала морок. Но больше всего я, пожалуй, на себя злилась из-за трусости. Могла ведь иконку схватить. Плохая из меня получается помощница.

Мы вошли в лифт, стали спускаться, а бабушка на эмоциях всё продолжала ворчать:

— Слишком много злыдней в квартире развелось. И ведь наглые какие, сильные, умеют мороки наводить! Я, пожалуй, святую воду в пластиковую бутылку с пульверизатором налью, сразу с порога можно будет обрызгивать комнату. И солью надо тоже сразу всё посыпать. Пачки три придётся взять. Ты, Ира, не знаешь, кто в квартире до тебя жил? Может сообразишь, где там может быть место скорби?

— Ой нет, не знаю, — замотала головой хозяйка. — Владелица жилплощади только обмолвилась, что два последних года квартира была нежилой.

Мы вышли из подъезда. Яркий солнечный свет на мгновение ослепил, заставив прищуриться, но тут же перед нами возникла массивная тень, перегородившая дорогу. Оказалось, что тень отбрасывает уже знакомая нам управляющая домом Тамара Егоровна собственной персоной. В этот раз защитница правопорядка была настроена ещё более недружелюбно.

— Это вопиющее безобразие! — пронзительно взревела она. — Не ожидала от вас, Ирина, такого хулиганского правонарушения! Теперь понятно, в кого Юлия такая! Швыряете с девятого этажа двухлитровые банки с водой и религиозные брошюры — это

можно квалифицировать, как покушение на жизненное здоровье граждан! Вот Евгения Иннокентьевича чуть до смерти не зашибли молитвами!

В поле зрения тут же возник худосочный мужичок и продемонстрировал мокрые пятна на мятых брюках.

— Я этого так не оставлю! — продолжала бушевать управдом, — И участковому пожалуюсь, и хозяйке квартиры! Пусть выселяют из нашего дома! Надоело слушать ваши скандалы!

Ирина побледнела и попыталась отступить к подъезду, но сзади стояла Клара. Я заметила, как бабушка нахмурила брови, и поняла, что сейчас начнётся скандал. Бабуля у меня не любит прилюдно выяснять отношения, но хамов она просто не переваривает.

Повинуясь интуиции, я выступила вперёд и встала между Ириной и Тамарой Егоровной. Грозная женщина меня вовсе не пугала. В двенадцать лет я плохо придерживалась субординации. Конечно, соблюдала элементарные правила вежливости и уважения к старшим, но никогда не лебезила и не считала их умнее. Несмотря на показную воинственность Тамара Егоровна казалась мне женщиной неглупой и в чём-то даже справедливой, хоть и чрезмерно импульсивной.

— Если вы выгоните из дома тётю Ирину, то всем будет только хуже! — громко заявила я, глядя снизу на двойной подбородок управдома. — Вы же знаете, что квартира проклята, и в ней опять поселится какой-нибудь висельник Виталик или сумасшедший Никольский! Сколько ни старайтесь, но там всегда будут происходить ужасные вещи!

Тамара выпучила глаза и принялась хватать ртом воздух, словно рыба, выброшенная из воды. Похоже, что я случайно задела самую болезненную для неё тему. Евгений Иннокентьевич, как верный паж, тут же стал обмахивать «потерпевшую» в две руки книжечкой и иконой. Между прочим, это были наша икона и наш молитвенник.

— Зачем вы упоминаете такие ужасные моменты в истории нашего дома? — с укором проговорил он. — Вдруг кто-то из жильцов услышит, начнётся паника! У Тамары Егоровны большое сердце. Она рискует своим здоровьем и даже жизнью ради покоя и порядка в нашем доме, а вы кричите про висельника... Его, кстати, Володей звали, а не Виталиком.

— Но квартира же проклята! — перебила я его невежливо. — Вы же знаете это и всё равно обвиняете Ирину!

Тамара схватилась за сердце. Воздух с шипением выходил из её лёгких, как из воздушного шара. Её надутые щёки стали опадать, лицо быстро теряло краски, приобретая бледность. Женщина пошатнулась, и Евгений Иннокентьевич попытался поддержать несчастную, но у него плохо получалось. Бабушка решительно оттеснила мужичка в сторону, и сама подхватила Тамару под локоть.

— Её нужно куда-то усадить, — Клара крутила головой в поисках подходящего места.

— Давайте на детскую площадку, — распорядился Евгений. — Там лавочка широкая.

Он больше мешался и суетился, чем помогал, и Ирине пришлось подхватить «сдувшуюся» Тамару под другой локоть. Вместе с бабушкой они довели побледневшую женщину до деревянной лавочки и усадили. На площадке, как ни странно, никого больше не было. Возможно, виной всему было то, что находилась она на солнцепёке, и в этот час тут было слишком жарко, а может быть обитатели дома просто боялись попасть на глаза придирчивому управдому.

— Я пойду принесу вам воды, — глядя на то, как тяжело дышит Тамара, предложила Ирина.

— Я сам сбегаю, — возразил Евгений. — Так быстрее получится. Я на первом этаже живу.

Он тут же юркнул за кусты, оставив иконку и молитвенник на лавочке.

— Может скороую вызвать? — забеспокоилась бабушка.

— Нет... таблетки... в кармане... — произнесла посиневшими губами Тамара и попыталась поднять правую руку.

Я быстро залезла в её карман, достала маленький белый цилиндр, открыла пробку и вытряхнула на ладонь крохотную таблетку. Женщина медленно взяла её, отправила в рот и прикрыла глаза.

— Простите, — тихо сказала я, — не надо было мне говорить о проклятье, расстроила вас...

Тамара вяло махнула рукой.

— Сама виновата. Давно пора уходить с этой нервной должности. Я когда-нибудь умру прямо на этой площадке.

— Ну что вы в самом деле! — расстроилась Клара. — Просто не нужно принимать всё слишком близко к сердцу.

— Если не буду принимать, то весь дом развалится, — слабо возразила Тамара, открывая глаза. — Управдом — это те самые три слона и черепаха, на которых держится мир и порядок в доме.

— Но вы же всего лишь один слон... вернее, одна... Нельзя же брать решение всех проблем только на себя, — посочувствовала Ирина. — Вам надо беречь нервы, стараться меньше переживать.

— Как же не нервничать, когда в тебя с девятого этажа банки летят? — резонно возразила Тамара и, увидев, что Ирина собирается оправдываться, перебила её: — Знаю, что ты не виновата. С квартирой у вас и правда что-то сверхъестественное творится. Я в этом доме с детства обитаю — почитай старожил уже, всё знаю.

Она поудобнее уселась на лавочке, достала из кармана носовой платок, промокнула, выступившую на лбу, испарину и начала рассказ:

— Первоначально в той злополучной квартире мужчина жил. Его все боялись. Он надзирателем в тюрьме работал, людей ненавидел, всех преступниками считал. Видимо, на почве работы свихнулся. Это называется — профдеформацией. У него и жена сначала была, и сын с дочкой. Только супруга потом сбежала. И девочку забрала. А сын с отцом-тюремщиком остался.

Соседи часто жаловались, что папаша на мальчика постоянно кричит, а порой и бьёт его. Только куда же жаловаться пойдёшь на такого изверга, если он сам в милиции служит. А мать тоже «хороша» — ребёнка с негодяем оставила и больше не показывалась.

Мальчик рос угрюмым, во дворе с детьми не играл, ни с кем не дружил. Всё на какие-то тренировки ходил, на соревнования ездил. Видно, хотел спортсменом известным стать. Не вышло. Как повзрослел — выпивать начал. Папаша его надзиратель потом умер, и парень совсем опустил — у пивного ларька медали свои, что на соревнованиях получал, обменивал на спиртное. Сестра его Танюша, что с матерью когда-то сбежала, часто навещала брата. Лечить его от алкоголизма пыталась, умоляла пить бросить — не помогло. Так и скончался подающий надежды спортсмен от некачественной водки.

Таня в наследство эту жилплощадь получила и стала сдавать внаём. Только у всех, кто квартиру снимал, жизнь ломалась. Первой там женщина поселилась с матерью-старушкой и

двумя детками-погодками. Как въехали в трёшку, так и начали болеть все. Скорая постоянно к ним приезжала. Пару лет эта семейка промучилась, а потом благополучно сбежала.

После них в квартире новый жилец появился. Молодой композитор. Один он жил в трёх комнатах. Мог себе это позволить. Его песни хорошо раскупались, даже на радио звучали. Но, как только он в проклятом жилище обитать стал, так и музыка сочиняться перестала. Не то, чтобы совсем не сочинялась, что-то он всё же писал, но никто больше песни покупать не хотел. Говорили, ерунда у него теперь получается, не то что раньше.

Помню, смешной он такой был, худой, длинный, вечно лохматый какой-то, погружённый в мысли свои. Выйдет вечером, сядет вот тут на лавочку, напевает что-то себе под нос, руками дирижирует. Потом вскакивает и домой бежит, видимо, чтобы новую песню записать. Мы его Володенькой звали... Повесился он, несчастный. Прямо в зале на крюке люстры...

Последним жильцом был врач Борис Никольский. Хороший доктор, стоматолог. И жена у него имелась Анжелика. Интеллигентная такая вся, из хорошей семьи... Когда у них крики начались и скандалы, Лика долго не выдержала, к родителям сбежала. А Борис... у него видения стали случаться. Он в подъезд выбегал в одних трусах, хватал соседей за руки, рассказывал какие-то дикие истории: как будто к нему приходят зелёные лохматые существа и просят им зубы удалить потому, что, видите ли, шестьдесят зубов во рту — это слишком много. В конце концов Никольского забрали в психушку. Оттуда он уже не вернулся. Таня долго квартиру никому не сдавала, но, похоже, нужда всё же заставила... Теперь вот вы там оказались...

Тамара неожиданно тоненько всхлипнула и приложила платок к глазам.

— А где нам найти эту Татьяну? — спохватилась бабушка.

— Я точно не знаю, где она живёт, — сквозь платок глухо ответила женщина. — В это время она обычно в парке у пруда уток кормит.

Клара ещё что-то хотела спросить, но внезапно появился Евгений Иннокентьевич с бутылкой минеральной воды и накинулся на нас с криком:

— Посмотрите, что вы натворили! Сначала довели человека до сердечного приступа, а теперь и до слёз!

— Не кричите, Евгений, — остановила его Тамара, — я таблетку съела, мне уже лучше. А вот от вашего фальцета голова начинает болеть.

Поняв, что делать здесь больше нечего, мы ретировались с детской площадки и остановились напротив подъезда. Бабушка, как всегда, тут же начала распоряжаться:

— Нам обязательно надо поговорить с этой Татьяной, хозяйкой квартиры и выяснить, что там происходило с её отцом-тюремщиком и братом-спортсменом. Похоже, что именно с них в квартире и начались несчастья. Так мы сможем вычислить, где находится «место скорби». Уничтожим его, и злыдни ослабеют...

... Здесь было не так жарко и душно, как в центре города. Кроны деревьев заслоняли от ярких обжигающих солнечных лучей, стелили на землю прохладные тени. Бабушка шагала по главной аллее, обмахиваясь на ходу молитвенником. Мы с Ириной едва поспевали за ней.

В парке сегодня было многолюдно и многоголосо. Горожане, уставшие от рабочих будней и домашних хлопот, тянулись к любимому месту отдыха. Власти старались, чтобы жителям было не скучно. По выходным тут всегда проходили концерты, различные ярмарки и распродажи, работали аттракционы. Всё это, разумеется, способствовало пополнению городского бюджета.

Детские развлекательные мероприятия, как правило, начинались утром, концерты — вечером, а распродажи продолжались весь день. Я оглядывалась по сторонам. Мне казалось, что все горожане гуляют в одну сторону — в ту, где проходит книжная ярмарка.

«Вот же невезение. Даже если мы разберёмся сегодня со злыднями, и я вернусь сюда, чтобы купить новую книгу, то, скорее всего, всё самое хорошее уже расхватывают».

Конечно, я понимала, что помощь Ирине — это гораздо важнее, но мне всё равно было немного обидно. Наверное, лицо у меня выглядело угрюмым и недовольным, а вот горожане, попадающиеся на пути, наоборот, всячески демонстрировали хорошее настроение. Кругом слышались громкие разговоры и смех, словно в людей сегодня вселились беспечность и благодущие. Все прогуливались чинно, не торопясь, и только мы спешили словно на пожар.

Ирина уже пришла в себя от того ужаса, что происходил в её квартире, и теперь не замолкала, терзая Клару вопросами:

— А злыдни — они какие из себя? Страшные?

— Да, страшные, зелёные и злые, — отвечала на ходу бабушка.

— Интересно... А ростом какие?

— Тебе по колено будут, а мелкие — чуть больше ладони.

— А много их в квартире?

— С десятков. Может, чуть больше.

— Ясно... А с гнездом что делать будем, когда найдём? Придётся сжигать?

— Можно и сжечь, но в целях безопасности квартиры, лучше просто засыпать солью.

— Это хорошо, что огонь не придётся разводить... А когда гнездо уничтожим, злыдни сразу пропадут и несчастья прекратятся?

— Демоны ослабеют, мы их в соляной круг загоним и молитвами будем выдавливать из нашего мира.

— Понятно... А как мы их в круг загоним?

Похоже, на этот вопрос бабушка не знала ответа, а потому перевела разговор на другую тему:

— Ты, Ира, лучше придумай, как нам владелицу квартиры разговорить и всё нужное выяснить.

Ирина озадаченно замолчала, а мы тем временем уже свернули с дорожки и вышли к пруду. С общественным водоёмом власти нашего города ничего особого придумать не могли или не хотели, и он пребывал практически в первозданном виде, зарастая осокой и ряской. Единственное, что пришлось сделать — это окружить его невысоким ограждением, чтобы любители несинхронного плавания не лезли охлаждаться в непредназначенный для этого

водоём. И лишь в одном месте, где находился пологий песчаный бережок, доступ к воде был открыт. Здесь и происходила массовая кормёжка уток, хоть рядом и висела запрещающая табличка. Недалеко от песчаного берега стояло несколько лавочек, занятых мамами с детьми.

Бабушка всегда обожала детективы и фильмы про шпионов, вот и сегодня она, похоже, включила режим «миссис Марпл». По крайней мере, вела она себя, как заправский сыщик, напавший на след преступника.

— Ну и где же эта Татьяна? — нервно спросила Клара. — Может, она уже ушла домой? Тут столько детей сейчас, что утки боятся выходить из воды.

— Вот она! — радостно воскликнула Ирина и указала на ещё одну лавочку, стоящую дальше остальных и почти скрытую кустами. — Я узнала её по волосам. Видела эту Татьяну всего пару раз, но точно помню, что она невысокого роста и полностью седая.

Из-за кустов, действительно, виднелась абсолютно белая шевелюра. Мы поспешили к дальней лавочке и вскоре увидели Татьяну полностью. Старушка, на самом деле, оказалась почти с меня ростом. Несмотря на жару, она была в длинной вязаной кофте, надетой поверх тонкого цветастого платья. На носу женщины виднелись бифокальные очки в круглой толстой оправе, делавшие хозяйку похожей на этакую добрую сказочную бабулю. Милый образ дополняли лукошко с разноцветными клубками ниток и длинные, толстые спицы, мелькавшие в её руках.

— Ирин, ты ей про злыдней не говори, а то напугаешь ещё, — шёпотом сказала Клара. — Постарайся как-то аккуратно выведать у неё всё про отца и брата.

Ирина кивнула и первой подошла к лавочке.

— Татьяна, здравствуйте! Я вас сначала не узнала. Мы тут по парку гуляем, и вдруг смотрю — вроде вы! Помните меня? Мы квартиру у вас снимаем.

Старушка растерянно улыбнулась и поправила очки.

— Помню вас, Ирина. Конечно, помню. Мы же с вами договор заключали об аренде. Что-то случилось?

— Нет. А разве что-то должно случиться? С квартирой что-то не так?

Взгляд Татьяны заметался из стороны в сторону.

— Прекрасный день сегодня, не правда ли? — встряла в разговор Клара, слегка толкнув Ирину локтем. — Мы вот решили в парк сегодня выбраться, отдохнуть. И так находились, что даже устали отдыхать. Позвольте нам присесть рядом с вами? А то все скамейки заняты.

Старушка убрала вязание в лукошко и поставила его себе на колени, чтобы освободить место на лавочке. Поджатые губы давали понять, что общению с нами она совсем не рада. Ирина заняла место слева от неё, бабушка — справа. Мне сесть оказалось некуда. Я отошла к кустам и стала делать вид, что увлечённо рассматриваю листья. Наверное, это выглядело слишком глупо, но к счастью, Татьяна на меня внимания не обращала.

— Я, знаете ли, уток пришла покормить и кофту довязать, — нервно ёрзая сказала вдруг владелица квартиры, — но тут много народа сегодня, и утки не выходят на берег. Я, пожалуй, домой пойду.

Она хотела подняться, но Клара бесцеремонно поймала её за рукав и усадила на место.

— А как же вязание? — строго спросила бабушка. — Кофта сама себя не довяжет.

— Я лучше дома... — сдавленно пропищала Татьяна.

— Дома не лучше, — безапелляционно заявила Ирина. — Нечасто такая замечательная погода случается. Завтра дождь обещали...

— С градом, — подхватила Клара.

— Что вы от меня хотите? — не выдержала натиска Татьяна.

— Просто интересно узнать некие подробности, — призналась Ира. — Говорят, что в квартире, которую нам сдаёте, умер ваш брат. Не хотелось бы, чтобы его призрак потом являлся ко мне во сне. Вдруг он при жизни был маньяком?

Глаза старушки, казавшиеся большими из-за бифокальных линз, выпучились ещё больше.

— Что вы! Толик был очень хорошим. Просто ему не повезло — отец ему всю жизнь сломал.

Видимо, воспоминания о брате были для женщины болезненной темой. Она всхлипнула и вцепилась в своё лукошко, словно пыталась удержать в нём рвущиеся наружу эмоции.

— Прямо так и сломал ему жизнь? — подначила Клара. — Говорят, что ваш брат вовсе не являлся примерным гражданином, алкоголь употреблял, ни с кем дружбу не водил, был замкнутым и угрюмым.

Татьяна с гневом взглянула на бабушку, расслабила пальцы, сжимавшие лукошко, и эмоции вырвались наружу.

— Всё не так! Отец у нас был очень жестоким. Сам он родом с Урала, из какого-то богом забытого села староверов. Там очень строгие традиции домостроя. Женщины у них — рабыни бесправные, обязаны только рожать и по хозяйству трудиться с рассвета до заката. А мужики вроде надсмотрщиков. В этом селе даже вера какая-то своя — вроде и христианская, но более суровая по правилам. У отца крестик был нательный золотой, с распятым, заключённым в кольцо — это вроде как означает, что человек должен жить внутри круга заповедей господних, а всё, что снаружи — от лукавого.

Отец сбежал из села, приехал в наш город, стал работать в милиции, потом в тюрьме надзирателем. Когда он с нашей мамой познакомился, ему уже под сорок лет было. А она совсем молодая, наивная. Девочка из не совсем благополучной семьи. Замуж ей скорее хотелось. А тут такой солидный мужчина с военной выправкой, с квартирой, при должности и деньгах. Мама, долго не раздумывая, вышла за него замуж. Бедняжка. А вот отец, хоть и сбежал из своей домостроевской секты, но взгляды-то на жизнь остались прежними. Маму он буквально служанкой сделал. Не позволял ей искать официальную работу. Она должна была дома сидеть, по хозяйству трудиться и детей ему рожать...

— Извините, что перебиваю, — не сдержалась Клара, — а мама ваша имела какое-то образование? У неё была специальность?

— Нет. Она среднее образование получила — восемь классов в школе. Больше нигде не училась и не работала. Замуж хотела выйти, из пьющей семьи скорее сбежать. Вот в двадцать лет и нашла себе мужа-тирана. Сначала она меня родила, а потом Толика. Всю свою нерастраченную любовь нам отдавала. Особенно брата моего любила. Толик слабеньким родился, болезненным. Мама с ним постоянно по врачам ездила. Даже к бабкам-шептуньям обращалась. Но все руками разводили, говорили, что мальчик здоров. А как же здоров, если он простужался постоянно: то сопли, то кашель, плакал часто, жаловался на плохое самочувствие. Мама из сил выбивалась, ночей не спала, чтобы Толика излечить. Я тоже братика жалела, помогала чем могла. А отец-изверг только кривился недовольно и говорил, что мы балуем Толика и слишком тепло его кушаем.

Когда брат в первый класс пошёл и стал занятия пропускать из-за болезней, папа совсем озверел. Он заявил, что теперь сыном займётся сам, будет его закалять. Стал заставлять

малого ребёнка вставать в шесть утра, бегать с ним по стадиону, одеваться в лёгкую одежду.

Мама и истерики устраивала, и на коленях умоляла, но отец не сдавался и продолжал мучить сына. Тогда она пригрозила разводом, сказала, что уйдёт жить в квартиру своих родителей, которые к тому времени умерли от цирроза. Думаете, это остановило ирода? Даже когда мама подала на развод, он и глазом не моргнул, а потом ещё и в суд подал. И представьте себе, суд вынес постановление о том, что Толик должен остаться с отцом! Мы с мамой были в шоке. Она ради сына готова была вернуться к мучителю, но он её даже на порог не пустил.

Так мы с мамой стали жить отдельно. Она устроилась на две работы, трудилась уборщицей и посудомойкой, зарабатывала мало. Нам едва хватало на жизнь. Мама плакала каждый день, очень переживала за Толю, прямо с ума сходила. И мне постоянно твердила: «Танечка, вот умру я, ты Толечку не бросай, заботься о нём». Отец не разрешал ей видеться с сыном в его квартире, но мы приходили в школу на большую перемену, приносили гостинцы. А брат жаловался, что отец его мучает: обливает утром ледяной водой, заставляет бегать в любую погоду до изнеможения и ходить в секцию плавания. Несмотря на слабый организм мальчика, папа решил сделать из него спортсмена.

— Ну а в результате тренировок ребёнок стал меньше болеть? — снова перебила Клара. Татьяна осуждающе посмотрела на неё, сдвинув брови.

— При чём тут «болеть»? Хроническая простуда у него исчезла, но психика-то оказалась поломана! Толик не хотел быть спортсменом-пловцом. Он сильно уставал от всех этих тренировок, понимал, что чемпионом стать не получится. Брат занимал на соревнованиях только вторые и третьи места. Отец пытался выдрессировать его, как собаку. У Толи имелся такой вымпел спортивный — треугольный кусок атласной красной ткани с бахромой, полностью увешанный значками и медалями, которые вручали на соревнованиях. Отец каждый день тыкал вымпелом мальчику в лицо и говорил: «Смотри — это то, чего ты достиг! Это твои успехи, твой труд, доказательство того, что ты можешь побороть свою лень! Нужно лишь поднажать. Давай увеличим нагрузку!»

Вы не представляете, как брат ненавидел этот вымпел! Даже больше, чем отца! Каждую ночь он плакал над проклятыми значками. Для него вымпел был не символом победы, а являлся постоянным напоминанием об унижениях. И друзей у него не водилось, и угрюмым он казался, потому что кроме тренировок в жизни больше ничего не видел.

— Постоянно плакал над вымпелом? — Клара обменялась с Ириной многозначительными взглядами. — А где теперь находится этот ненавистный вашему брату предмет?

Татьяна от растерянности даже поперхнулась. Она тут про тяжёлое детство брата рассказывала, а её про какую-то ерунду спрашивают.

— Откуда я знаю? — зло ответила она. — Толечка, когда сиротой остался, работу не мог найти. С этого вымпела значки пытался продавать, но разве же хорошие деньги с них выручишь?

— Вы же говорили, что отец хорошо зарабатывал. Неужели ничего сыну после смерти не оставил? — поинтересовалась Ирина.

— Имелись у него небольшие накопления, — призналась Татьяна. — Когда брату тридцать лет исполнилось, отцу уже за семьдесят перевалило, но он крепким стариком был — всё ещё в тюрьме работал. Но однажды у них преступники вырвались на свободу, на конвой напали. Отца так избили, что едва жив остался. Позвоночник поломали, он ходить не

мог. Три года в квартире лежал. Мы его в больницу не сдали, сами с ним мучались, ухаживали, кормили этого садиста. Я через день прибегла. Толя ведь ни еду не умел приготовить, ни дома прибраться. У отца были накопления, но как только он неходячим стал, брат ушел из спорта, сильно переживал, начал выпивать.

Толечка высоким был, не то что я, красивым, но с девушками у него как-то не ладилось. Так и не женился. Потом деньги отца быстро закончились. Брат стал свои кубки спортивные продавать и медали. Мама у нас к тому времени скончалась. Сердце у неё слабое оказалось. Я тоже особо помогать не могла. Образования хорошего не получила, работала где придётся, замуж не вышла. Как-то не сложилось у меня с мужчинами. Мама меня всё пугала, что найду себе такого же жестокого мужа, каким был отец. Да и Толю я боялась одного оставить. Уговаривала его лечиться от алкоголизма. Но он плакал, говорил, что только так ему удаётся детство загубленное забыть.

Дальше совсем уж плохо стало. Брат хотел квартиру продать и жить на вырученные деньги, но не успел, умер.

— А выпел-то где он мог прятать? — прервала жалостливые речи Клара.

— Да к чёрту ваш выпел и вас с ним туда же! — в гневе выпалила Татьяна и вскочила со скамейки. — Я вам про горе своё рассказываю, про брата, замученного отцом, про то, что я из-за страданий в свои шестьдесят два года выгляжу дряхлой старухой, а им кусок тряпки подавай! Не знаю я где этот выпел проклятый спрятан, и знать не хочу!

Она плюнула себе под ноги и решительно зашагала прочь из парка. Бабушка с Ириной остались на скамейке. Я присоединилась к ним.

— Мы так толком ничего и не узнали, — вздохнула Ирина.

— Узнали, — не согласилась бабушка, — просто ты не умеешь слушать. Мы выяснили, что бывший владелец жилья Толик был лентяем и нытиком. Мать над ним тряслась со своей гиперопекой, а отец против воли хотел сделать из парня спортсмена. В результате страдали все. Я думаю, что гнездо злыдней — это тот самый злополучный выпел, над которым Толик лил слёзы, жалея себя.

— А как же нам его найти? — спросила я. — Если злыдни такие сильные стали, значит, эта вещь находится в квартире и подпитывает их.

— Когда мы опрыскаем всю квартиру святой водой и засыплем солью, то демоны сами покажут, где хранится выпел, — бабушка решительно встала со скамейки и поправила на плече ремешок своей бездонной сумки. — Пойдёмте, девки, устроим зелёным гадам переселение обратно в их призрачный мир...

...Наверное, у Ирины всё же с нервами было не всё в порядке: утром она рыдала, потом на своей съёмной квартире вела себя заторможено, в парке не могла обуздать любопытство, а теперь, оказавшись снова у нас дома, начала проявлять беспокойство и раздражительность.

— Прошу вас, давайте поторопимся, — металась она в коротком коридорчике между кухней и входной дверью. — Папа уехал чинить кому-то машину и может скоро вернуться. Если он увидит, чем мы занимаемся, то решит, что я сошла с ума. И Юля тоже к вечеру придёт.

— Всё почти готово, — заверила её Клара, закручивая на третьей пластиковой бутылке крышку с разбрызгивателем. — Эх, жаль, что у меня только две пачки соли. Надеюсь, что этого хватит.

Она положила бутылки с водой в свою большую сумку, а упаковки с солью — в полупрозрачный пакет и передала его Ирине.

— Держи, а тоя одна всё не донесу.

— Ой, бабушка, — вдруг вспомнила я, — у меня же в комнате тоже есть бутылка с пульверизатором! Помнишь, та, из которой я цветы опрыскиваю? Давай и в неё тоже святую воду нальём? Я тогда смогу в злыдней с двух рук брызгать!

— Знаешь что, дорогая моя, — нахмурилась Клара, — это вовсе не развлекательный аттракцион. Ты сегодня послушалась меня — забежала в комнату, где были демоны, хоть я и запрещала. Считаю, что ты ещё не готова участвовать в подобном... мероприятии.

— Это нечестно! — возмущённо закричала я. — Ведь только благодаря мне Тамара Егоровна рассказала, где искать Татьяну! Я лучше тебя вижу злыдней, и не такая беспомощная, какой ты меня до сих пор считаешь!

— Даже слишком самостоятельная, — покачала головой бабушка. — Именно это меня и пугает... Ладно, неси свою бутылку для полива. Только вылей из неё воду в цветы.

Я тут же кинулась в свою комнату и схватила ёмкость. Хорошо, что воды в ней оставалось немного. Отвинтив крышку, я стала выливать жидкость в горшок с цветком, стоявшем на подоконнике, и вдруг услышала громкий щелчок, раздавшийся из коридора. Мне хватило секунды, чтобы понять — так щёлкает личина входной двери, когда её запирают ключом.

— Бабушка! — я кинулась в прихожую, где уже никого не было, и стала стучать кулачками в дверь. — Бабушка, открой, я буду выполнять всё, что ты скажешь! Не оставляй меня дома одну!

Никто не ответил. Через слои металла, утеплителя и дерматина едва различались звуки удаляющихся шагов. Сквозь слёзы я взглянула на узкую полочку возле зеркала, где ещё пять минут назад лежали мои ключи от квартиры и мобильный телефон. Теперь их там не было.

Бабушка не только заперла меня в квартире, лишив возможности выбраться наружу, но и забрала мобильник, чтобы я не отвлекала её звонками. Это было просто... подлое предательство. По-другому и сказать нельзя. Единственный человек, которого я считала самым родным и близким, которому доверяла всю свою жизнь, вдруг так низко обманул меня.

Я редко плачу, но в этот день такое произошло уже дважды: сначала плакала от страха, а теперь от обиды, отчаяния и жалости к себе. Вдруг злыдни сделают с Кларой что-то

ужасное? Что, если она никогда не вернётся домой? Я не увижу её больше никогда и умру в этой квартире от голода никому не нужная, всеми забытая.

Опустившись на пол, я прижалась к двери, обхватила колени руками и зарыдала, захлёбываясь слезами. Меня трясло так, что зубы клацали друг о друга. Не знаю, сколько это продолжалось, но, видимо, долго. Джинсы на коленях намokли от слёз. Казалось, что кроме своих рыданий я ничего не слышу, но едва раздался щелчок дверного замка, слух это тут же уловил.

Сначала подумала, что бабушка пожалела меня и решила вернуться, но потом сквозь слёзы я разглядела нечто белое, лежащее у моих ног. Это оказалась наволочка с моей подушки. А рядом с ней, едва различимая, маячила серая тень, которая постоянно меняла форму. Туманная сущность одну за другой роняла крохотные яркие искорки, которые таяли, едва коснувшись пола. Я догадалась, что искорки — это слезинки. Котёнок плакал вместе со мной...

... Ручки у пакета были тонкими и безжалостно давили на пальцы Ирины. Клара настояла на том, чтобы они зашли в магазин и купили ещё три пачки соли. Про запас. На всякий случай.

Её боевой настрой уже не казался таким оптимистичным. Да и шагала Клара теперь не так бодро. И выражение лица стало хмурым и недовольным. Сначала Ирина старалась делать вид, что не замечает этого, но когда подошли к её дому, она всё же не выдержала:

— Что-то не так? Мало соли взяли? Я и так еле тащу, пакет вот-вот порвётся, но, если надо, могу снова в магазин сходить.

— Соль здесь совсем ни при чём, — недовольно пробурчала Клара, опуская голову. — Тут всё гораздо серьезнее. Ещё и внучку я обидела не за что, а ведь она бы могла помочь нам.

— Я считаю, что вы правильно сделали, оставив её дома, — Ирина со вздохом облегчения поставила тяжёлый пакет на землю и вытерла пот с лица. — Злыдни вещи в окно кидали, а могли ведь и в девочку попасть. Я бы свою дочь к демонам не потащила.

— Ага, — ухмыльнулась Клара, — ваша Юлечка и так в квартире с этими монстрами живёт.

— Так мы же не знали о них до сегодняшнего дня, — побледнела Ира. — Вот клянусь, если злыдней не получится изгнать, то я сегодня же перееду к маме. И дочь заберу. Пусть Паша тут один живёт, если хочет.

— Вот и я сомневаюсь — получится ли у нас одолеть нечисть, — бабушка тоже поставила сумку на землю и потёрла поясницу. — Мне всего лишь раз пришлось иметь дело со злыднями, но тогда проще было, а теперь и я немолода уже, и они намного сильнее прежних.

Ирина переступила с ноги на ногу, явно обдумывая что-то, а потом словно выдохнула:

— Давайте тогда не будем рисковать. Ну их к чёрту этих злыдней. Оставим их в покое. Конечно, найти новую съёмную квартиру будет непросто, но...

— Нет, Ирочка, — Клара нахмурила брови и накинула ремешок сумки на плечо, — не приучена я отступать. Татьяна потом жилплощадь другой семье сдаст. Опять на людей несчастья посыпятся. Никто, кроме нас со злыднями не справится... Ты только... это... если со мной что-то плохое случится, обещаю, что о внучке моей позаботишься...

...Как только они вошли в подъезд, так сразу начались неприятности. Ирина поставила на пол пакет и нажала кнопку вызова кабины лифта. Внутри подъёмного механизма что-то жутко заскрежетало, створки начали разъезжаться в стороны, но затем задёрнулись и замерли на месте. Клара подошла ближе и отважно заглянула в кабину лифта через образовавшуюся щель.

— Это твои зелёные жильцы технику поломали. Вон в кабине прямо с потолка слизь капает. Видимо, чуют злыднишки, что мы их изгонять идём, вот и пакостят.

— Ты говоришь, что их там не меньше десятка? — уточнила Ирина? — И все без прописки живут и за жилплощадь не платят? Я готова пешком на девятый этаж подняться, чтобы проучить этих нелегалов! Хватит им уже за мой счёт пировать!

Она решительно схватила пакет за ручки, резко рванула и... ручки тут же отделились от пакета.

— Ну вот, оторвались! — с досадой воскликнула Клара. — как мы теперь соль потащим? Может я пару пачек в руки возьму?

Едва она успела договорить, как дверь подъезда открылась, и на пороге показался интеллигентного вида мужчина в сером брючном костюме с кожаным портфелем под мышкой.

Ирина была знакома с этим гражданином. Звали его Николаем Семёновичем Лебедевским. В этом подъезде мужчина не проживал, но часто приходил в соседнюю квартиру на девятом этаже, где обитала его мама-инвалид.

Николай всегда здоровался с Ириной, умел поддержать разговор о незначительных вещах вроде чистоты на лестнице или о неблагоприятной погоде, но знала она о нём немного: вроде мужчина состоял в браке и мел детей, а работал то ли в лицее, то ли в каком-то колледже преподавателем.

— Доброго дня, Ирина Валентиновна, — вежливо улыбнулся Николай, подходя ближе. — Что-то с лифтом случилось?

— Здравствуйте, Николай Семёнович, — отозвалась женщина. — Вот скончался наш лифт. Придётся теперь пешком подниматься, а у меня, как назло, ручки у пакета оторвались.

— Прискорбно, — Николай сумел одним словом выразить сожаление и лифту, и пакету. — Давайте, я помогу донести ваши покупки до квартиры? Надеюсь, что там не кирпичи.

— Ой, спасибо, — обрадовалась Ирина. — У нас не кирпичи, а несколько пачек соли. Решили вот... грибочков засолить.

Мужчина посмотрел на неё с недоверием, но спорить не стал, а легко подхватил пакет, прижал его к себе и зашагал по лестнице.

— Давайте, я хоть портфель ваш понесу, а то неудобно же, — спохватилась Ирина, догоняя Николая и забирая у него портфель из-под мышки.

Мужчине пришлось притормозить.

— Знаете, вот вы сказали про грибы, и мне сразу вспомнился прежний хозяин вашей квартиры Властий Миронович. Он любил тихую охоту, несколько раз меня с собой в лес брал по грибы, когда я ещё школьником был. Сколько всего интересного он рассказывал и про растения, и про уральские горы. Потом я в лесу больше и не бывал.

— Очень необычное имя — Властий, — подала голос Клара.

— Да, нестандартное, — согласился Николай Семёнович. — Он был родом с Урала, из какого-то отдалённого села староверов. Они там, вроде, языческому богу солнца поклонялись. Властий показывал мне эмблему, похожую на колесо с четырьмя спицами. Представляете, в какой глуши он рос? Однако же, со временем сумел выбраться и переехать в большой город, и даже сделать карьеру. Властий Миронович был начальником тюрьмы. Сами понимаете, какая это опасная и нервная работа. Приходилось быть в постоянном напряжении, общаться с криминальными элементами. Вот и придумал он выбираться в лес, отдыхать душой от всего этого. Я на десять лет младше его сына Толика был. Жаль, что судьба у соседей потом сложилась так неудачно.

Николай дошёл до пятого этажа и положил пакет на подоконник, чтобы перевести дыхание. Бабушка переглянулась с Ириной и спросила:

— А правда, что этот Властий мучил своего сына? Говорят, что Толик всё время плакал, и соседи даже хотели пожаловаться на то, что отец издевается над ребёнком.

Николай Семёнович, придерживая пакет одной рукой, другой достал платок и вытер, выступившие на лбу, капельки пота.

— Сосед был суровым мужчиной, но справедливым и сына никогда не бил. Он понимал, что Толя очень ленивый и инфантильный. А ещё лживый. Мальчик с детства был чрезмерно избалован матерью. Властий сначала не вмешивался в воспитание, считал, что ребёнок ещё мал и со временем изменится. Но когда Толик пошёл в первый класс, стало ещё хуже. Каждое утро в будние дни он устраивал истерики, кричал, что не хочет идти в школу, что учительница не берёт его на руки и что дети не дают свои игрушки. Если это не помогало, то маленький обманщик падал на пол, жаловался на боль в животе или ноге. Супруга у Властия была из тех женщин, которые не могут надыхаться на любимое чадо, верят каждому его слову, бегут по первому зову.

— О, мне случалось видеть таких избалованных деток и их сумасшедших мамаш, — кивнула Клара. — Но как же ваш сосед вдруг решил пойти против жены, да ещё придумал из нытика сделать спортсмена.

— Частично в этом виновата была моя мама, — со вздохом признался Николай. — она тогда закончила медицинский и только начала работать терапевтом. Молодая ещё была, дерзкая. Властий однажды по-соседски решил проконсультироваться у неё по поводу частых жалоб сына на плохое самочувствие. Ну, мама моя и не сдержалась, высказала всё, как на духу: что Толик слишком избалован и не приучен к самостоятельности, что всем соседям уже надоело слушать по утрам, как он истерит на весь дом, что родительница слишком тепло одевает ребёнка, превращая в неженку и что по всем показателям мальчик полностью здоров.

«Ваша жена уже несколько раз приходила ко мне с историей болезни Толи, — призналась мама соседу. — Я не увидела ни единого признака какого-то заболевания, а только нарушение режима физического воспитания. Ребёнок плохо кушает? Ну, так это оттого, что родительница пичкает его едой по семь-восемь раз в день, а между приёмами пищи угощает сладким. Мальчик плохо спит? Не оттого ли, что форточку в его комнате никогда не открывают, а на ночь закутывают в два тёплых одеяла? Ему просто жарко и нечем дышать. Ваша жена слишком опекает Толю, даже когда гуляет с ним у дома, постоянно берёт на руки, чтобы малыш не уставал ходить. А он уже первоклассник! Если сейчас не начать закаливать мальчика, не нагружать физическими тренировками и не

приучать к дисциплине, то он никогда не станет мужчиной, а останется тщедушным и беспомощным существом!»

— Да уж, — покачала головой Ирина, — слишком резкое высказывание для врача, но по сути же справедливое.

Николай снова подхватил пакет с солью на руки и продолжил подниматься по лестнице.

— Сам-то я Толю почти не знал. Он намного старше меня был, всё на какие-то тренировки ездил, на соревнования. А с Властием Марковичем мы иногда общались. Я любознательным ребёнком был, всё время вопросы задавал. Он однажды сказал мне: «Вот какой же ты въедливый, Николай. Всё тебе понять нужно, хочешь до сути докопаться. Мой Толька не такой. Нет у него ни интереса к жизни, ни цели. Думал, что с ним построже надо, стимул соревновательный пробудить как-то. Не выходит. Только злится на меня. А я ведь всего лишь человека из него хотел сделать!»

Моя мама до сих пор сожалеет о том, что посоветовала Властия заняться воспитанием и тренировкой сына. Она считает, что из-за этого распалась семья. Но я думаю, что семьи как таковой у соседей и не было. Когда каждый поступает по-своему, не считаясь с мнением близких — разве это семья? Именно эгоизм и разрушает отношения.

Они поднялись на девятый этаж. Ирина передала Николаю Семёновичу портфель и получила назад свой пакет. Как только они попрощались и за мужчиной захлопнулась дверь, Клара начала озвучивать план действий:

— Так, давай доставай соль, сразу открывай пачку, а я возьму бутылку с брызгалкой и икону. Сразу, как войдём в квартиру, начинай посыпать. Меня не отвлекай. Я буду молитву читать. Смотри в оба глаза, злыдни, как мы уже убедились, могут швырять предметы и насылать видения. Держись возле меня.

Ирина кивнула и достала пачку соли. Клара перекрестилась, взяла в одну руку икону, а в другую — бутылку с пульверизатором. Очень медленно женщины открыли дверь и переступили через порог.

В квартире стояла напряжённая тишина. Казалось, что время тут замерло. Даже воздух был каким-то застоявшимся, словно в давно заброшенном помещении. Клара перешагнула через коврик и тут же начала обрызгивать стены и пол, читая «Отче наш». Ирина, словно сеятель, размашисто раскидывала соль по коридору.

Клара заметила, что пятно призрачного мха пытается отползти за трюмо и направила на него струю воды. Тлен сжался и стал бледнеть.

Из проёма двери, ведущей в зал, показалась лохматая морда одного из злыдней. Он испуганно заверещал, вращая красными глазками, и скрылся в помещении, откуда тут же послышался топот множества маленьких лапок.

Бабушка, продолжая читать молитву, мотнула головой в сторону комнаты, давая понять напарнице, что пора продвигаться туда, и сама первой шагнула в зал.

Тут же в неё полетела скатерть со стола, но Клара успела брызнуть в неё из бутылки святой водой, и ткань упала у её ног. Ирина охнула откуда-то из-за плеча, но не растерялась и тоже швырнула на скатерть пригоршню соли.

Наверное, злыдни не ожидали нападения, решили, что раз повыбрасывали вещи в окно и сломали лифт, то их побоятся трогать. Они не пытались окружить вошедших женщин, а всем семейством копошились под окном возле батареи отопления. Вид у них был испуганный.

Папаша-злыдень шипел и скалился, пытаясь загородить самку с выводком, а та только

завывала и прижимала к себе то одного, то другого малыша, придушивая их. Никто из них не осмеливался нападать. Видимо, молитва слишком сильно воздействовала на них, почти парализовала, лишив возможности даже сопротивляться.

Клара, не прекращая молитвы, показала Ирине пальцем, куда нужно сыпать соль. Белая неровная полоса вокруг демонов неминуемо стала сужаться, захватывая их в полукруг. Злыдни теперь скулили все разом, и Клара, обладая чутким «призрачным слухом», поняла, что ещё немного и она оглохнет от такой какофонии.

До окна оставалось всего несколько шагов. Бабушка видела, что злые духи начинают становиться ещё прозрачнее. Их голоса делались всё тише... И вдруг... Словно от мощного порыва ветра распахнулось окно. Шторы взметнулись вверх, и одна из них наотмашь ударила Клару, сбивая с ног. Икону женщина удержала в руке, а вот бутылка со святой водой выскользнула из пальцев и улетела в неизвестном направлении.

Рядом вскрикнула Ирина, но Клара её больше не видела. Занавеска, словно живая, начала обматываться вокруг тела, стягивая так, что дышать становилось тяжело. Новым порывом ветра соль на полу сдуло к стенам. Злыдни торжествующе завизжали и разбежались в разные стороны.

Клара упала на пол, больно ударившись спиной. Она попыталась перекатиться набок. Получилось. Недалеко от неё, так же спелёнутая в кокон из шторы, лежала Ирина. Вокруг неё скакало несколько мелких злыдней. Они трещали что-то на своём языке, явно спорили о чём-то, толкая друг друга. Но вот появился папаша-демон, коротко рыкнул на них, и бесенята, как по команде, вцепились в кокон и начали подтаскивать его к окну.

Клара не могла даже кричать — ткань плотно закрывала рот. Бабушка только беспомощно пучила глаза, мычала и смотрела, как Ирину доволокли до батареи и теперь пытаются затащить на подоконник. Демонятам явно не хватало сил поднять взрослую женщину, и тогда им на выручку подоспела мамаша-злыдень.

Под предводительством вожака и с его непосредственной помощью семейке удалось подтянуть кокон с Ириной к подоконнику. Ноги женщины теперь болтались над полом, а голова уже свешивалась на улицу. Клара задёргалась изо всех сил, пытаясь освободиться от пут, но штора лишь сжимала её ещё сильнее.

С ужасом бабушка наблюдала, как тело Ирины сантиметр за сантиметром исчезает в оконном проёме. Ещё чуть-чуть и случится непоправимое. А затем, такая же участь неминуемо постигнет и саму Клару...

... Рюкзак дёрнулся в руке, но я держала крепко, иначе Котень, выскакивая, утащил бы его за собой. Серая тень метнулась к открытому окну, из которого в комнату свешивалась задняя часть Ирины, замотанная в какую-то тряпку. Послышался нечеловеческий визг. Злыдни, словно тараканы, побежали от окна по стенам и даже по потолку. Кто-то из них исчезал, чтобы тут же появиться в другой части комнаты, но постельничий дух летал с какой-то немыслимой скоростью, настигая каждого.

Я стояла, прижимая к себе рюкзак и бутылку для опрыскивания цветов, в которой была налита святая вода, и не успевала следить взглядом за мелькающей серой тенью. Кажется, что прошла всего лишь минута, а со злыднями всё уже было закончено.

Котень не только изловил их всех и обездвигил, но и сложил у стены напротив окна. Тушку последнего из демонов постельничий притащил из другой комнаты, бросил в общую кучу и снова юркнул ко мне в рюкзак. Я так и стояла, замерев на месте, боясь пошевелиться.

Из оцепенения меня вывело невнятное мычание, раздававшееся со стороны окна. Ирина балансировала на подоконнике, передняя часть её тела явно перевешивала наружу. Я положила рюкзак на пол и кинулась к ней. Успела вовремя. Пока тащила Ирину за ноги, пока помогала освободиться от ткани, обмотавшей её тело, бабушка рядом извивалась и мычала, пытаясь обратить на себя внимание.

«Вот пусть подождёт и помучается, предательница, — подумала я злорадно. — Будет знать, как запирать меня дома!»

Клара не унималась. Пришлось помогать и ей. Едва я освободила её рот, как бабушка закричала:

— Даша, скорее найди вымпел! А то злыдни придут в себя и снова нападут! Твой Котень их только на время обездвигил. Надо устранить источник силы. Эти гады возле окна все вместе собирались, значит, там и есть их гнездо. Пошарь рукой за батареей отопления!

«Раскомандовалась! Даже спасибо не сказала».

Я обиженно засопела, но пошла к радиатору.

«Сколько же тут пылицы скопилось за батареей! Ничего не видно!»

Пока я пыталась нащупать пальцами хоть что-то кроме пыли, Ирина освободила бабушку из занавесочного плена, и теперь они вдвоём метались по комнате, посыпая пол солью. Злыдни лежали у стены мохнатой зелёной кучкой и вроде уже начали шевелиться.

— Ирочка, закрой хорошенько окно и на подоконник тоже соль накидай, иначе снова эти гады распахнут створку и ветром всё удует.

«Сейчас и меня засолят ненароком, — подумала я и наконец-то нащупала пальцами кусок ткани».

Бабушкина догадка оказалась верной. Я вытащила на свет божий скомканный треугольник красной атласной материи, отороченной жёлтой бахромой. Он хоть и был запылённым и мятым, но вполне неплохо сохранился, учитывая, что пролежал в тайнике не одно десятилетие.

— Нашла! Он, и правда, был здесь! — оповестила я, приподнимая находку повыше, чтобы бабушка и Ирина смогли её увидеть.

Что-то упало к моим ногам и покатилося под кресло. Я успела лишь заметить, что предмет похож на маленькое золотое колёсико размером с колечко. Видимо, это был один

из значков, которые крепились к вымпелу. На ткани их осталось ещё с десятков.

— Давай сюда, — бабушка уже тянула руку, — надо солью скорее засыпать и молитву прочесть изгоняющую.

— Там один значок отстегнулся и... — начала было я и замолчала, потому что от вымпела меня вдруг словно электрическим разрядом дёрнуло и в комнате вдруг потемнело...

Я ойкнула и заморгала. Со зрением что-то было не так. Или помещение стало каким-то другим? На полу появился ковёр, а на стенах — пёстрые обои. Стол переместился на середину комнаты и на нём выросла стопка книг... Но главное, рядом теперь не было ни бабушки, ни Ирины, зато возле стола я увидела высокого немолодого мужчину и мальчика примерно моих лет.

Мне с трудом удавалось сфокусировать зрение. Всё вокруг расплывалось, словно я смотрела через какое-то призрачное марево или мутное стекло. Голоса тоже звучали странно и гулко, как через трубу.

— Папа, можно я не поеду на соревнования? У меня нога болит, — плаксиво говорил мальчик, опираясь рукой о столешницу.

— Ты симулянт! — зло бросил ему в лицо мужчина, потрясая перед лицом сына красным треугольником вымпела, сплошь увешанным значками. — Тренер уже смотрел твою лодыжку, сказал, что ничего серьёзного — лёгкий вывих, через пару дней пройдёт. Замотаешь эластичным бинтом и поедешь вместе со всеми. И если ты не займёшь там хотя бы третье место, то лишишься сладкого ещё на месяц и телевизор будет под запретом. Все выходные тоже проведёшь на стадионе. Будешь бегать там до посинения.

— Я не хочу быть пловцом, — глотая слёзы, заныл парень. — Я устал. Ты обещал, что разрешишь мне увидеться с мамой и Таней.

— Замолчи! — резко оборвал отец. — Я стараюсь для тебя! Пытаюсь переломить материнскую дурную породу. Хочешь быть пьяницей, как её родители и умереть от цирроза? Или желаешь мыть полы, как она? Мать твоя — ленивое бесхребетное существо. Из Таньки сделала безвольную дуру и тебя пыталась испортить. Запомни, всё в этой жизни даётся лишь через упорный труд, через силу и боль. Если не сломаешь свою лень, то рано или поздно закончишь жизнь в канаве или в тюрьме. Поверь, я насмотрелся на преступников — все они искали лёгкой жизни.

— Тебя в детстве никто так не мучил! — в отчаянии выкрикнул мальчик.

— Мне в детстве пришлось гораздо хуже, — повысил голос мужчина. — Ты живёшь на всём готовом и даже представить не можешь, как выживают люди в глухих деревнях вдали от цивилизации. В твоём возрасте я ходил на охоту, валил лес и пахал поле плугом! Знаешь, что такое плуг? У меня было двенадцать братьев и сестёр. Половина их умерла от болезней, кого-то медведь задрал, кого-то деревом пришибло. Мы поклонялись богу солнца. Пока светило на небе, нужно было работать. Вот моё детство, — он выудил из-под ворота рубашки тонкий шнурок с золотым амулетом в виде крестика, заключённого в кольцо, — а твой бог — это спорт! Он даст тебе и деньги, и силу, и известность!

— Но я... — попытался возразить Толя.

— Даже слушать не собираюсь твои глупости! — отец швырнул на стол кусок красного атласа. — Если на вымпеле после соревнований не появится новая медаль, то ты сильно пожалеешь! Я всё сказал!

Мужчина развернулся и вышел из комнаты. Мальчик схватил со стола вымпел и швырнул его на пол.

— Ненавижу, ненавижу, ненавижу, — сжав кулаки и трусливо оглядываясь на дверь, он принялся топтать ненавистный предмет, — Я отомщу... Я всё равно отомщу...

Яркая вспышка света ударила мне в глаза. Видение исчезло. Я отчаянно заморгала, пытаюсь прийти в себя. Кто-то дотронулся до руки. Это была бабушка. Зрение быстро возвращалось, и я поняла, что нахожусь снова в прежней комнате, засыпанной солью.

— Ты чего замерла? — спросила Клара, забирая из моих рук вымпел. — Если один значок отвалился — это уже неважно. Толик и так большую часть своих наград распродал, отсутствие одной медальки роли не сыграет.

Я промолчала. Мне нужно было успокоиться после странного видения. Похоже, что каким-то образом я увидела то, что происходило в этой комнате много лет назад. Бабушка говорила, что вещи способны накапливать в себе не только окружающую энергию, но и информацию. Некоторые люди умеют получать эту информацию в виде образов и звуков. Но со мной раньше никогда такого не случалось.

Я добрела до небольшого диванчика и плюхнулась рядом с Ириной. Мысли в голове все перемешались и перепутались в какой-то клубок. Чтобы отвлечься, я посмотрела на злыдней. Они уже, похоже, полностью очухались после взбучки Котеня и теперь копошились внутри соляного круга. К счастью, выбраться наружу у них не получалось.

Бабушка разложила вымпел на подоконнике, вывалила на него полпачки соли и принялась нараспев читать текст молитвы на церковнославянском. Злыдни от этого дёргались, завывали, корчили жуткие рожи, но исчезать не собирались и даже не слабели, а, наоборот, стали о чём-то трещать, явно замышляя недоброе.

— Получается их изгнать? — шепотом спросила Ирина.

Я не успела ответить, потому что диван вдруг закачался и начал поворачиваться вокруг своей оси. Ирина взвизгнула и забралась на него с ногами. Мне там места почти не осталось, пришлось перепрыгнуть на кресло. Едва мои ноги коснулись обивки, как кресло тоже ожило и медленно поехало куда-то в сторону.

Бабушка заметила, что мебель начала оживать, и стала читать молитву громче и быстрее. Однако, её действия не наносили демонам никакого вреда, а только злили ещё больше.

Диван с Ириной выехал на середину комнаты и стал вертеться вокруг своей оси, царапая пол. Хозяйка вцепилась в спинку и заголосила на одной ноте. Стол тоже зашевелился и рывками начал двигаться в сторону Клара, а скатерть, валявшаяся на полу, поползла к злыдням, сметая по пути рассыпанную соль.

— Что-то не так! — закричала бабушка. — Молитва не подействовала! Может той оторвавшейся медальки не хватает? Даша, куда она закатилась? Ты сможешь достать её?

— Это не медалька! — крикнула я в ответ. — Это амулет! Он под креслом был. Сейчас попробую его...

Кресло дёрнулось, я упала на него, больно стукнувшись животом о подлокотник. Дыхание перехватило, в глазах на секунду потемнело. Моё тело перевесилось вниз, руки коснулись пола, и я увидела блеснувший амулет. Если вытянуть руку, я смогу достать...

Кресло поехало вперёд, едва не отдавив мне пальцы. Я едва успела отдёрнуть руку. Зато колечко с крестиком оказались совсем рядом. Кресло стало наезжать на него, но я оказалась проворнее.

— Он у меня! — радостно закричала я бабушке. — Лови!..

Я собиралась бросить амулет Кларе, но меня вновь трянуло, как от электрического

разряда. Перед глазами опять появилась прозрачная муть, всё расплывалось, меняя очертания, потом снова стало чётче... Стены вокруг меня сдвинулись... Нет, похоже, я просто оказалась в какой-то другой комнате гораздо меньших размеров. Тут помещался только шкаф, небольшой столик и кровать. Окно было занавешено шторами, свет через них едва проникал, создавая полумрак, и оттого я не сразу разглядела человека, лежащего на кровати и укрытого одеялом.

Впрочем, человек ли это был? Он больше походил на мумию: череп обтягивала сухая тонкая кожа сероватого цвета, глаза почти провалились в глазницы, редкие волосы слиплись в бесформенный грязный комок. Руки, лежащие поверх одеяла, были очень худыми, а пальцы походили на скрюченные паучьи лапы. Мумия надсадно дышала. Каждый вздох и выдох сопровождался утробным стоном и хрипом.

Вдруг послышались шаги, открылась дверь и в комнату вошел молодой высокий мужчина в белой футболке и спортивных брюках. Лицо его показалось мне неприятным: маленькие глубоко посаженные глазки почти скрывались под зло нахмуренными бровями, а нижняя губа выпячивалась вперёд, создавая капризное выражение.

Вошедший покачнулся, оступился назад, и чтобы сохранить равновесие, вцепился рукой в дверной косяк.

— Ты там не сдох ещё? — невнятно спросил он лежащего. — Вонючка от тебя в квартире ужасная. Танька второй день не приходит, а я дышать должен твоими отходами!

— Сдай меня в больницу, сынок, — неожиданно просипел больной. — Мне лечение нужно. Там кормить будут. Я не могу больше терпеть эту невыносимую боль.

— Не-е-е, — засмеялся молодой, — будешь мучиться и терпеть, пока не сдохнешь. Это тебе за моё детство загубленное, за то, что матери лишил.

— Я для тебя старался, — голос старика дрожал от слёз. — Дай мне воды.

— Вот Танька придёт и даст. Она у нас дура жалостливая, — парень сыто рыгнул и приблизился к кровати. — Мне деньги нужны. Я всё, что было, уже потратил. Твоей пенсии не хватает. Говори, есть ещё где-то заначка припрятанная? Я тебе тогда воды принесу.

Старик не ответил — то ли сознание потерял, то ли умер. Парень схватил его за плечо и стал грубо трясти.

— Слышишь? Деньги, говорю, давай!.. Вырубился, что ли?.. Мне надо... Во, у тебя же амулет ещё остался золотой! Он тебе всё равно уже не нужен. Вряд ли за него много денег дадут, но хоть что-то... Не помог твой бог... Сколько ты на него молился и слёзы лил. Предал веру свою — вот он тебя и наказал.

Парень сорвал с шеи старика золотое колечко с крестиком и, пошатываясь, пошел к двери...

... Я зажмурилась, чувствуя, как по щекам текут слёзы. Почему люди так отвратительно поступают друг с другом? Почему мучают и издеваются над теми, кто слабее их? Неужели это заложено в человеческой природе? Разве страдания других доставляют мучителю счастье или прибавляют сил? Этому нет ни объяснения. Но истязатель всегда находит оправдание своей жестокости: месть, обида, долг...

Злыдни творят мерзости для того, чтобы питаться энергией боли и страданий, иначе они не выживут. Им требуется постоянно подпитываться злом, но люди...

— Даша! Кидай скорее амулет!

Я открыла глаза. Снова та же комната с вертящимся диваном, с бабушкой, прижатой столом к подоконнику, со скатертью, сметающей соль с пола. Демонам уже удалось выбраться из очерченного круга, и они опять стали расползаться по комнате. Я кинула золотую подвеску на подоконник. Клара поймала её, вдавила в кучку соли, что была насыпана поверх вымпела.

Злыдни разом завизжали, словно их окатили кипятком. Диван тут же перестал крутиться, кресло подо мной замерло, а стол, пытавшийся вытолкнуть бабушку в окно, остановился. Клара, не теряя времени даром, принялась протяжно и громко читать изгоняющую молитву. Но демоны не сдавались.

Я видела, как их корёжит и трясёт от молитвы, но они настойчиво продолжали ползти к окну. Если они все вместе нападут на бабушку, то она не спасётся. Единственный, кто мог бы защитить её и помочь — это Котень. Я соскочила с кресла и кинулась к рюкзаку, до сих пор лежащему на полу.

— Ирина, что тут происходит?! — неожиданно послышался голос из коридора.

В комнату вошел высокий полноватый мужчина в джинсовой рубашке и штанах, со спортивной сумкой на плече.

Как и боялась Ирина, её супруг вернулся домой в самый разгар обряда экзорцизма. Выражение лица у него было ошарашенное. Ещё бы — прийти домой и застать там такую картину: вся мебель сдвинута, обои забрызганы водой, пол засыпан солью, у окна незнакомая женщина во всё горло распевает молитвы, девочка стоит на коленях и громко кричит в рюкзак, призывая какого-то Котеня, а растрёпанная жена, покачиваясь, пытается подняться с дивана.

— Пашенька, ты не волнуйся, — Ирина оступилась и плюхнулась на диван. — Я тут генеральную уборку затеяла, решила мебель передвинуть и комнату вычистить до блеска.

— Мозги тебе надо вычистить! — заорал Павел. — Ты совсем уже ополоумела?! Мне надоело терпеть твой склочный характер и тупые выходки!

— Ты не так всё понял.

Ирина начала бормотать что-то оправдательное, но я уже не слушала, была занята вызовом Котеня. Он появился из рюкзака, словно клубящееся облако дыма и завис в воздухе. Я почувствовала исходящую от него усталость. Не знаю, как объяснить это словами, но. Видимо, между нами, действительно, была какая-то ментальная связь, позволяющая делиться эмоциями.

— Котенька, миленький, — шептала я, — помоги бабушке, пожалуйста. Последний раз. Я тебе печенек дам и сгущённого молочка.

Облачко метнулось в сторону и сбило со стены папашу-злыдня, подбирающегося к окну.

— Я ухожу от тебя! — орал между тем Павел, отталкивая Ирину. — У меня есть другая женщина, которая любит меня и понимает! С Юлькой я буду общаться, а тебя видеть больше не хочу!

Я невольно обернулась на крик и увидела, как мамаша-злыдень пытается залезть в спортивную сумку, что висела на плече Павла. К счастью, Котень это тоже заметил. Серой тенью он скользнул к демонице и отшвырнул её в сторону. Едва коснувшись пола, она исчезла. Я крутила головой из стороны в сторону, пытаюсь увидеть, где она появится, но, похоже, мать злыдней исчезла навсегда.

Вслед за ней стали пропадать и другие демоны. Дольше всех продержался вожак. Он ещё несколько секунд корчился и полз, пытаюсь дотянуться до бабушки, но, к счастью, так и не добрался.

Силы Котеня тоже были на исходе. Постельничий подплыл к моим ногам серым облачком, но у него не хватало сил даже подняться в воздух. Пришлось поставить рюкзак на пол, чтобы Котя смог забраться туда.

Бабушка закончила читать молитву, и в комнате наконец-то воцарилась тишина.

— Я догадывалась, что у тебя есть другие женщины, — слова Ирины в тишине прозвучали чётко и спокойно. — Это хорошо, что ты решил уйти. Мне надоело бороться с чувством брезгливости, которое ты вызываешь. Мужчина, бывающий в употреблении у других, мне в мужа не подходит. Прощай.

Лицо Павла вытянулось от удивления. Он ловил ртом воздух, но не нашёлся что ответить, а лишь хлопал глазами, словно только сейчас рассмотрел наконец-то свою жену. Ирина с гордо поднятой головой развернулась и отошла к дивану.

Павел ещё какое-то время стоял, как будто ожидая, что она будет умолять его остаться, но затем мотнул головой и направился к выходу. Его спортивная сумка зашевелилась и оттуда показалась голова маленького злыдня.

Это был, пожалуй, самый мелкий из всех демонов, которых я сегодня увидела. Его шерстка ещё не позеленела, а светилась какой-то невероятной белизной. Стало понятно, зачем мамаша-злыдень кинулась к Павлу. Она хотела спрятать в его сумке младшего из своих деток.

Злыднёнок повернул ко мне свою мордочку. Я увидела его глаза. Они оказались вовсе не красные, а ярко-голубые. Он умоляюще смотрел на меня, словно просил, чтобы я его не выдавала.

Через секунду Павел покинул комнату, унося с собой домовёнка. Я почему-то была уверена, что ещё встречу с маленьким альбиносом...

... Клара выглядела очень уставшей, и я думала, что мы отправимся сразу домой, но она повернула в другую сторону.

— Бабушка, куда мы идём? — удивилась я.

— Я же обещала, что отведу тебя на книжную ярмарку, а потом на пруд кормить уток, ответила Клара.

— Но ты же устала. Можно в другой раз сходить.

Бабушка подошла ко мне, наклонилась и крепко обняла.

— Нет, солнышко моё. Жизнь так коротка, и если есть возможность порадовать близкого человека, то нужно делать это прямо сейчас, не откладывая на потом. Ведь этого

«потом» может и не случится. Отдохнуть могу и возле пруда. Я и так сегодня обидела тебя. Не хотела подвергать опасности, очень боялась, что злыдни могут сделать тебе что-то ужасное, вот и заперла дома. Не подумала, старая дура, что будешь сильно переживать за меня. Как ты, кстати, из квартиры выбралась?

— Котень мне замок отпер, — призналась я.

— Какой молодец! Если бы не он, злыдни одолели бы нас. Давай ему по дороге сгущёнки купим?

— Давай! — обрадовалась я. — И печенек с изюмом... Бабушка, а без меня вы бы тоже не справились?

— Конечно, — призналась Клара, — ты успела в последний момент и спасла нас с Ириной. Я горжусь, что у меня такая смелая внучка.

— Значит, мы команда?

— Ещё какая! — засмеялась Клара. — Надеюсь, что больше наши способности не понадобятся. Кстати, я заметила, что, когда ты держала вымпел и амулет, то словно выпадала из действительности, такое потерянное выражение у тебя на лице было.

— У меня видения были! Я как будто оказывалась в прошлом, могла наблюдать и слышать, как Толик с отцом разговаривал.

— Ого! — удивилась Клара. — У тебя, похоже, проявился дар считывать информацию с «гнёзд»! Моя бабушка такое умела. Надо тебе её дневники дать почитать. Очень образованная женщина была, много чего про нечисть знала...

Мы зашли в магазин, купили сгущённое молоко и печенье для Котеня и два мороженых для нас. Потом мы отправились на ярмарку, и бабушка приобрела мне целых две книги: одну по философии, другую — красочное издание мифов древней Греции.

В парке было всё так же многолюдно, но народ теперь концентрировался в основном возле концертных площадок и аттракционов. Возле пруда стояла только одна женщина. Это оказалась Татьяна. Она была занята кормлением уток и даже не заметила, как мы подошли.

— Ещё раз здравствуйте, Татьяна, — обратилась к ней бабушка.

— Вы меня преследуете? — нахмурилась старушка. — Что вам нужно? Опять выпрашивать будете о моём отце-негодяе?

— Нет, — Клара достала из кармана и протянула Татьяне маленький золотой амулет. — Вот, нашли в квартире, когда убирались. Это принадлежало вашему отцу. Возьмите.

Старушка неуверенно забрала подвеску и сжала её в кулаке, а потом вдруг спросила:

— Ирина, действительно, видела призрак Толи? Это он пугал жильцов и делал им всякие гадости?

Клара немного помедлила с ответом, а потом произнесла:

— Толя ушел и больше не вернётся. Он раскаивался, что плохо поступал с отцом и у вас просил прощения. Теперь вы можете спокойно сдавать квартиру. Больше неприятностей у жильцов не будет.

Татьяна всхлипнула, прижала к себе, спрятанный в кулаке амулет, и направилась по дорожке прочь из парка. Бабушка смотрела ей вслед, а я положила на песок у воды рюкзак, открыла банку сгущённого молока и пакет с печеньем.

Мы сидели у пруда, пока не потемнело. Котенька поел и серой тенью гонялся за утками, выходящими на берег. Погода была чудесная, а мороженое делало этот день просто восхитительным.

Я прижималась к бабушке, листала книгу с мифами и считала себя самой счастливой на

свете. Казалось, так будет всегда, что наша маленькая семья останется такой же сплочённой и радостной. Я не знала, что пройдёт всего три года, и мне опять предстоит встретиться с существами из другого мира. Гораздо худшими существами, чем злыдни. И бороться на этот раз мне придётся в одиночку...

КОНЕЦ ПЕРВОЙ СЕРИИ.

Продолжение следует...